

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил ШУВАЕВ

ЛИНИЯ
СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Современный фантастический боевик (АСТ)

Михаил Шуваев

Линия соприкосновения

«Издательство АСТ»

2021

Шуваев М. А.

Линия соприкосновения / М. А. Шуваев — «Издательство АСТ», 2021 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-097485-6

Специальному агенту КОНОКОМа Ричарду Сноу поручено выяснить причину смерти полковника Космофлота. В ходе расследования выясняется, что легенды о космических артефактах не миф, а реальность, и за ними ведется настоящая охота неизвестными авантюристами. Расследуя дело и пытаясь сложить в единое целое все части загадочной шарады, Ричард с напарником попадают на далекие планеты, из древних катакомб переносятся в глубины неземных океанов и снова возвращаются на Землю. Оказавшись на искусственной Стальной планете, они, наконец, встречаются с таинственным владельцем артефактов. Но вопросы лишь множатся, а возникающие проблемы несут Земле катастрофический сценарий...

ISBN 978-5-17-097485-6

© Шуваев М. А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Шуваев

Линия соприкосновения

Выражаю благодарность Игорю Анипченко, Андрею Воробьеву, Александру Терентьеву, сыну Михаилу и сестре Татьяне за помощь в работе над книгой

Михаил Аркадьевич Шуваев живет и работает в Москве. Знаком читателю по фантастическим и детективным романам «Звездный Гольфстрим», «Лунная соната», «Чужая игра», «Пункт назначения – бесконечность», «Мерцание», «По ту сторону пространства». Произведения автора отличаются динамикой и глубокой логикой сюжета, полетом фантазии и одновременно научным подходом. В них всегда присутствует захватывающий элемент приключенческого квеста. Повести и рассказы автора изданы во многих российских журналах.

Член Российского Союза писателей.

Часть I

Небесные камни

Глава 1

Специальный агент КОНОКОМа¹ Ричард Сноу вышел из кабинета директора и, задумавшись, остановился посреди стеклянной приёмной, похожей на аквариум. Выскользнувший вслед за ним Айвенго Блумберг осторожно прикрыл дверь начальственного кабинета и подошел к столу секретарши Бэллы. Девушка кокетливо посмотрела на двух озадаченных мужчин:

– Господин Блумберг, Директор просил напомнить вам, что послезавтра 30 ноября в пятницу в семь вечера вы идете с ним на открытие выставки «Спейс секьюрити интернешнл», – Айво поморщился как от зубной боли, что не ускользнуло от внимания секретарши. – Ничего не могу поделать – распоряжение Дон Кимуры.

Бэлла замолчала и, не глядя взяв со стола всегда лежащую наготове пилку для ногтей, принялась полировать и без того красивые длинные ногти. Сноу медленно повернулся к Блумбергу и, по-прежнему думая о чем-то своем, спросил:

– Я сейчас на квартиру Добровольского, ты со мной?

Айвенго Блумберг, начальник научного отдела КОНОКОМа, посмотрел на свой скромный биоадаптивный хронометр «Сектор»:

– Нет, Ричи. Давай двигай в Париж один, а я заскочу к себе в отдел, надо дать кое-какие указания. Потом присоединюсь.

Высокая, слегка сутуловатая фигура шведа скрылась за углом коридора, откуда сразу же послышалось тихое шипение открывающихся дверей лифта ДДЛ². Ричард подошел к огромному панорамному окну и посмотрел на Брюссель с высоты восьмисот метров, на которые возвышался над городом офис КОНОКОМа – спиральный небоскреб «Сатурн». Заканчивался ноябрь, стояла промозглая, холодная, сырая погода. Город внизу почти не просматривался из-за плотной пелены тумана и дождя, которые окутали сизым покрывалом всю Бельгию, а заодно и большую часть Северной Европы. Синоптики выслушивали в свой адрес нелицеприятные замечания и критику, но упорно стояли на своем: вмешиваться в погоду они не считают возможным из-за риска разбалансировать воздушную циркуляцию над всей территорией Сибири и Аляски. Справедливые замечания по поводу того, что в Северной Европе живет на порядок, а то и на два больше людей, не возымели ожидаемого эффекта.

Сноу представил себе, что сейчас ему придется выходить на крышу, под дождь и ветер, лететь в белесом сыром тумане в Париж... Бр-р-р. Он слегка передернул плечами.

– Противная погода, просто ужас, – Бэлла говорила, по-прежнему увлеченно занимаясь своими ногтями, периодически отставляя руку подальше от лица и придиричливо оценивая результат косметических манипуляций. – Меня вот тоже сегодня пригласили в Делириум-кафе, но как представляю, что надо выходить на улицу...

– Да, Бэлла, действительно трудная дилемма... – пробормотал Сноу и направился к лифтам.

---

¹ Контактная объединенная комиссия Земли.

² ДДЛ: Door-to-doorlinker – лифт адресной доставки (перемещается в вертикальной и горизонтальной плоскостях).

Через сорок минут, когда флаер приземлился на парковке возле авеню Виктор Гюго в Париже, ожил МИППС³, и на экране коммуникатора появилось лицо Блумберга, обрамленное светлыми кудрями:

– Ричи, я на полпути, ты там как?

– Что «как»? Прилетел вот, направляюсь на квартиру. Дождь тут еще сильнее, чем у нас в Брюсселе, ветер к тому же... – проворчал Сноу и, подняв воротник, двинулся по тротуару, обходя или перепрыгивая лужи. Метров через пятьдесят он свернул направо на улицу Лоншан и пошел по ней, вглядываясь в номера домов. Заметив рядом с одним из подъездов полицейский флаер, он решительно толкнул дверь, оказавшуюся незапертой. Поднявшись на лифте, вполне прилично отделанном под старину, он вышел на пятом этаже и оказался лицом к лицу с корпулентным французским ажаном⁴.

– Ричард Сноу, КОНОКОМ, – представился он.

– Здравствуйте, месье Сноу, – посторонился полицейский. – Инспектор Леруа ждет вас, проходите.

– Спасибо.

Сноу вошел в квартиру, двери которой были слегка приоткрыты. На табличке сбоку значилось: «Полковник Александр Добровольский». Пройдя по коридору, вдоль стен которого были развешены мрачноватые картины работы неизвестного художника, изображавшие космические пейзажи, Ричи оказался перед несколькими дверьми: направо были кухня и ванная комната, прямо – туалет, а слева – большая гостиная с винтажной мебелью и широким окном с выходом на узкий маленький балкон. У открытого окна стоял, попыхивая старенькой потертой трубкой, парижский инспектор. Услышав шаги за спиной, он обернулся, и на его грубоватом с крупными чертами сморщенном лице появилась дежурная улыбка. Лет ему было явно за шестьдесят.

Прямо Мегрэ из романов Сименона⁵, подумалось Сноу.

Рукопожатие «Мегрэ» оказалось на удивление крепким.

– Месье Сноу, честно вам скажу, что не в восторге от того, что к расследованию подключили КОНОКОМ. Говорю это прямо, без обиняков, чтобы между нами не было никаких недомолвок.

Сноу, предполагавший подобную встречу, примирительно поднял руки:

– Инспектор, я ни во что не буду вмешиваться, расследование поручено вам, вы и ведите. Возможно, моё участие в нем ограничится этой встречей, и в дальнейшем я избавлю вас от своего присутствия.

Француз, поняв, что слишком резко начал разговор, смягчил тон:

– Поймите меня правильно, месье Сноу, я вас не гоню, но...

– Инспектор, каждый из нас будет действовать в рамках своего регламента, и, надеюсь, у нас с вами достаточно опыта и благоразумия, чтобы вести дело к обоюдной выгоде.

– Да, конечно, – вынужденно согласился француз.

– Вот и прекрасно. Тогда не могли бы вы кратко ввести меня в курс дела.

– Mais certainement⁶. Сегодня утром соседи полковника Добровольского были озадачены громкими голосами, доносившимися из его квартиры. Он всегда вел спокойный размеренный образ жизни, и подобное совершенно нехарактерно для русского космонавта. Здесь он постоянно не жил, но, когда приезжал, то оставался, обычно на два-три месяца...

---

³ Малый индивидуальный прибор планетарной связи и коммуникации.

⁴ Agent (*фр.*) – ажан, так во Франции называют полицейских.

⁵ Комиссар Жюль Мегрэ, популярнейший герой детективных романов бельгийского писателя Жоржа Сименона (13.02.1903 – 04.09.1989).

⁶ Да, конечно (*фр.*).

Леруа обстоятельно и подробно описывал стиль жизни русского космонавта, периодически попыхивая трубкой.

– Это его жена? – улучив момент, когда француз возьмет в рот мундштук и замолчит, спросил Сноу, заметив на полке объемную фотографию женщины.

– Да, бывшая. Они развелись несколько лет назад по её инициативе. Дальше. Остальное время пребывания на Земле он жил в Санкт-Петербурге. Голоса из квартиры слышались в течение десяти-пятнадцати минут, потом все стихло. Некоторое время спустя соседка вышла погулять со своей таксой и увидела приоткрытую дверь в квартиру Добровольского. Окликнув его несколько раз, она вошла и обнаружила полковника мертвым вот в этом самом кресле, – инспектор слегка театральным жестом указал на стоящее у стены большое кожаное кресло. – Прибывшие медики и эксперты не обнаружили признаков насильственной смерти... Пока не нашли. Вот, собственно и всё, месье Сноу.

«Малоинформативно, но зато с массой несущественных подробностей», – про себя подумал Ричард, а вслух спросил:

– Камеры видеонаблюдения?

– Изучаются, но пока получается, что к нему никто не приходил. Все посетители дома, а их сегодня было только двое, опознаны и были не у него. Соседи подтвердили.

– А, может кто-то нанёс визит еще вчера...

– Но сегодня никто другой, кроме этих двоих, не выходил.

– А если этот кто-то остался в доме? В другой квартире, например?

Леруа удивленно подбросил брови:

– Но... мы же не можем произвести обыски в каждой квартире...

– Не спорю, но я бы на вашем месте установил скрытное наблюдение за зданием хотя бы на сорок восемь часов. Дальше, по поводу голосов, которые слышались из квартиры. А может, это был голос из голографизора, Добровольский смотрел какой-нибудь фильм, а соседи приняли его за...

– Нет, я тоже об этом подумал. Голос Добровольского соседи вроде бы узнали, и, плюс к этому, когда соседка вошла, голографизор был выключен.

– Она такой хладнокровный человек, что, увидев труп, не растерялась, взяла себя в руки и внимательно осмотрелась? – усмехнулся Сноу.

– Нет, конечно, она запаниковала, это очень пожилая женщина. Но она утверждает, что когда вошла, ничего не трогала, ничего. А когда мы приехали, голографизор был выключен.

– Понятно, – вздохнул Сноу. – Пальчики?

– Сняли.

– Есть что-нибудь?

– Да, но когда наследили, пока сказать невозможно: может, сегодня, а, может, год назад.

– Так уж и год? Квартира в хорошем состоянии, видно, что здесь кто-то прибирает...

– Убирается тут домашний робот, а не приходящая прислуга.

– Минуточку, а дроид что говорит? – удивился Сноу.

– Ничего он не говорит. В десять тридцать, после легкой утренней уборки, хозяин приказал ему уйти в стойло и выключиться, что он и сделал.

Леруа прошел в коридор и распахнул небольшую дверцу, за которой открылась узкая ниша, предназначенная для зарядки дроида. Здесь же к стене были прикреплены всевозможные приспособления, которыми пользовался робот, поддерживая порядок в квартире. Сам дроид относительно старой модели был выключен и висел, поддерживаемый креплениями, выступающими из стены. Инспектор захлопнул дверцу.

– Вот так вот, майор. Сдается мне, что дело тут простое, сейчас я получу ответ от операторов связи, не говорил ли полковник с кем-нибудь по МИППСу в это время, и всё встанет... Ага, вот и звонок! Главный инспектор Леруа, говорите!

Сноу услышал шум и выглянул в коридор. Так и есть: прибыл Айво Блумберг: чертыхаясь и облокотившись на комод, он стягивал с больших ступней явно промокшие полуботинки.

– Ты бы еще сандалии нацепил, – поддел его Ричард. – На улице такая мерзость, а он...

– Я не собирался сегодня никуда из офиса не выходить, а когда сообразил, было уже поздно, – немного раздраженно ответил начальник научного отдела и выпрямился, держа ботинки в руке. – Здесь есть где высушить обувь?

Сноу подошел к нише и нажал зеленую кнопку. Дверцы раскрылись, и домашний робот подплыл к детективу. Он выдал Айво гостевые домашние тапочки и занялся промокшими ботинками.

– Эй, месье Сноу, где вы там? – Леруа высунулся в коридор, пыхнув облаком синего дыма, и заприметил Айво. – А, месье Блумберг пожаловали. *Soyez la bienvenue!*⁷ Значит так, сегодня с утра у Добровольского был единственный разговор по коммуникатору – он заказал в турагентстве один билет на послезавтра на Фомальгаут – туда и обратно.

– Странно для полковника Космофлота, который не вылезал из дальних галактических экспедиций. Я думал, что у него к космическим перелетам идиосинкразия, а он... – недоуменно пожал плечами Сноу. – Месье Леруа, мы можем тут немного осмотреться?

– Пожалуйста. Мои ребята всё осмотрели и зафиксировали. Я, собственно, ждал только вас. Но, честно говоря, очень хочется кушать – у меня с утра маковой росинки во рту не было. Вы не будете возражать, если я вас покину?

Увидев, что детективы дружно кивнули в ответ, он накинул плащ, висевший в коридоре на вешалке, и, выходя, обернулся:

– Жером вас выпустит, когда закончите, и запрет за вами дверь! – донеслось уже из лифта. – Балкон закройте, а то комнату зальет!

Блумберг, поручив заботу о промокших ботинках роботу, ворча всунул ноги в гостевые домашние тапочки, которые выдал ему дроид, и прошел в гостиную.

– Тут? – спросил он.

– Тут, – подтвердил Сноу и кивнул на кресло.

Айво начал кругами мерить комнату, внимательно всё осматривая. Сноу подошел к балкону и хотел закрыть дверь, но, потянув носом и учуяв по-прежнему стойкий аромат трубочного табака, оставил её открытой. А тем временем дождь на улице продолжал стегать струями по стене и окнам дома, и у двери натекла целая лужа. Прикрываясь рукой, Сноу выглянул наружу и увидел, что над балкончиком имеется выдвижной козырек. Пошарив рукой по стене, он нашел кнопку и нажал. Металлический складной каркас с пластиковыми полупрозрачными пластинами начал неторопливо разворачиваться. В какой-то момент раздался щелчок, козырек замер и на выключателе замигала красная лампочка.

– Что такое? – чертыхнулся Ричард, снова высунулся на балкон и внимательно посмотрел на полувыдвинувшийся солнечный козырек.

Через секунду всё стало понятно: направляющие штанги были слегка погнуты и не позволяли конструкции развернуться полностью. Но от дождя, по крайней мере, козырек худо-бедно спасал. Крупные капли больше не стучали по полу комнаты. Из коридора показался домашний дроид и деловито подплыл к двери на балкон.

– Стой, ты куда? – преградил ему дорогу Сноу, сам до конца не понимая, зачем это делает.

– Выдвижной карниз поврежден, необходим ремонт, – проскрипел робот, уставившись на Сноу своими красноватыми окулярами.

– А что раньше не починил? – спросил Сноу, понимая, что его диалог с дроидом выглядит несколько необычно.

– Повреждение отмечено только что.

---

⁷ Добро пожаловать (фр.).

– Как только что?.. – Сноу повернулся и еще раз внимательно посмотрел на заевший карниз. – Ты хочешь сказать... А вчера козырек выдвигали?

– Нет.

– А когда в последний раз?

– Позавчера.

– И он работал?

– Да.

– Ясно. Свободен. Ремонт отменяю.

– Месье Добровольский будет недоволен, он всегда старается...

Ричард внимательно посмотрел на дроида и вдруг понял, что ему даже немного жалко этого механического слугу. После смерти хозяина его наверняка отправят на свалку, учитывая более чем преклонный возраст.

– Месье Добровольский больше не придет, приятель.

– Месье улетел в экспедицию? – всполошился робот и выдвинул дополнительную антенну. – Но он всегда предупреждал меня! Я не приготовил ему одежду. Мадам Марлен... Надо срочно взять из химчистки...

– Всё. Выключись и в нишу.

Робот замолчал и секунду висел неподвижно, словно размышляя – следовать приказу человека или нет. Потом подплыл к нише, открыл дверцы и скрылся в своем электронном углу, сверкнув напоследок оптикой. Ричард готов был поклясться, что дроид подчинился ему с неохотой.

– Айво, ты где там? – крикнул Сноу в коридор.

– Я здесь, в кабинете, дверь направо.

Ричард открыл массивную деревянную дверь и оказался то ли в кабинете, то ли в музее. Вдоль стен почти до самого потолка стояли ряды прозрачных стеклянных полок, уставленных самыми разнообразными предметами. Больше всего здесь было камней и друз всевозможной окраски, размеров и формы. Возле каждого экспоната лежала карточка с пояснениями: что за камень, откуда. На отдельном стеллаже виднелись и знакомые земные предметы – порванная перчатка от скафандра, кусок приборной доски с пульта управления какого-то флаера, погнутая металлическая термочашка. Судя по всему, эти предметы что-то напоминали полковнику – людей, планеты, события... В углу кабинета возвышался небольшой стол с консолью панорамного монитора и мощным стационарным компьютером.

– Прямо филиал Лувра, – присвистнул Сноу, оглядывая ряды разноцветных камней. – Музей небесных камней.

– Да, Добровольский по основному образованию геолог. И хоть в дальние экспедиции летал обычно вторым пилотом, всегда входил в научную группу планетологов. Отсюда – вот эта немалая коллекция булыжников с посещенных им планет. Посмотри – вот, например, образчик. Видишь серебристые прожилки? Это платина, причем высочайшей пробы!

Сноу с неподдельным интересом и удивлением смотрел на невзрачный, на первый взгляд, камень с далекой планеты, в который впаялся благородный металл. «Система Альдебаран⁸», звезда К-3450, планета «Торран», № 3410» – гласила маленькая вертикально стоящая металлическая пластина. Сноу посмотрел на место рядом, которое пустовало – табличка наличествовала, но не металлическая, а из плотной бумаги. Она лежала надписью вниз, а вот объект отсутствовал. Ричард машинально протянул руку, чтобы прочитать, что на ней написано, но его пальцы наткнулись на что-то невидимое. Непроизвольно он отдернул руку и задел полку. Несколько экспонатов свалились и рассыпались по полу. Ричард присел, чтобы собрать образцы.

---

⁸ Альдебаран – оранжевый гигант в созвездии Тельца, находится на расстоянии 65 световых лет от Земли.

– Руки – крюки! – прокомментировал Айво, но тоже опустил на корточки, чтобы помочь собрать упавшие камни.

Приведя в порядок экспозицию, Блумберг обратил внимание на один отсутствующий предмет. Он взял в руки ту самую бумажную табличку и прочитал:

– Хрустальный шар.

– Что? – переспросил Сноу.

– Шар, говорю!

– Дай сюда!

Ричард взял из рук Блумберга маленький клочок бумаги:

– Действительно Хрустальный шар и номер – 3779/2. Странно, что не написано, откуда экспонат. И где он, интересно?

– Потерялся, Добровольский подарил, да мало ли вариантов! – предположил Айво.

– Согласен, – неуверенно ответил Ричард и еще раз посмотрел на бумажку. – Написано от руки почему-то... а ведь другие таблички фирменные – металлические.

– Не успел заказать, а, может, и вообще сомневался, достоин ли экспонат находиться в коллекции.

– Возможно, – проговорил Ричард.

Однако пальцы помнили легкое прикосновение, и Сноу провел по полке рукой. Пусто. Он посмотрел вслед Блумбергу, который скрылся в коридоре и, судя по звуку, вошел в комнату напротив – спальню. Ричард приблизился к столу и включил компьютер. Над столом мгновенно развернулся большой объемный панорамный монитор. По центру экрана мигала надпись: «Блок памяти отсутствует». Сноу понял, что полиция изъяла накопитель для изучения. Он вздохнул, выключил бесполезный компьютер, встал и шагнул к окну. Над Парижем по-прежнему клубились низкие облака, и дождь продолжал поливать студеными струями и без того изрядно промокший город. От стекла ощутимо веяло холодом. Сноу поежился и крикнул, не оборачиваясь:

– Айво, ты там скоро завершаешь?

– Да, считай, закончил. Ничего примечательного.

– Тогда пошли отсюда.

Ричард развернулся и сделал шаг в сторону двери. Неожиданно он почувствовал что-то под правой ногой. Что-то твердое и круглое, вроде бильярдного шара, только меньше. Ступня неловко подвернулась, и специальный агент растянулся на ворсистом ковре, одновременно саданувшись головой о дверь и тем самым резко захлопнув её.

– Чёрт! – вырвалось у него.

– И что у нас происходит? – Блумберг, осторожно приоткрыв дверь, уставился на сидящего на полу и потирающего ушибленную макушку Ричарда. – Бедокурим, пока взрослых нет?

– Слушай, Айво, я тут наступил на что-то...

Сноу, к вящему удивлению начальника научного отдела, не поднялся на ноги, а встал на четвереньки и двинулся в такой позе по комнате, шаря перед собой руками. Блумберг присел на корточки рядом с коллегой:

– Ричард, порой ты меня...

– Хватит зубоскалить, Айво, лучше помоги найти...

– Что, что найти-то? – Айво повертел головой.

– Круглый такой, совершенно прозрачный шар. Чуть меньше бильярдного.

– Ну, ты, старина, даешь! – Блумберг тоже опустил на четвереньки и начал медленное продвижение по коврику. – Кому рассказать...

– А ты не бойся, мы никому не расскажем, Айво.

– Месье Сноу! – на пороге комнаты вырос полицейский Жером и осекся, уставившись на двух сотрудников КОНОКОМа, ползающих по полу. – Инспектор просил узнать...

– Ну, что просил узнать Леруа? – недобро спросил Сноу, замерев на ковре и посмотрев снизу вверх на парижского ажана.

– Н-нет, нет, ничего, извините.

Полицейский ретировался и прикрыл за собой дверь. Айво посмотрел на Сноу и поднялся с пола, отряхивая руки:

– Всё, Ричи, с меня хватит.

– Смотри!

Сноу показал на ковер. В одном месте высокий ворс был примят, будто там лежало что-то круглое, тяжелое и невидимое. Блумберг замолчал, присел и протянул руку. В пальцах оказался совершенно прозрачный шар. Кроме осязания, его невозможно было обнаружить никаким другим органом чувств – он был по-настоящему абсолютно невидим. Детективы встали, глядя на кажущуюся пустой ладонь Айво.

– Вот тебе и Хрустальный шар, – тихо сказал Сноу. – Нашелся, черт возьми. Чует мое сердце, наживем мы с ним неприятностей.

– Типун тебе на язык, Ричи.

Глава 2

Детективы попрощались с ажаном, сверлящий взгляд которого они чувствовали затылками, пока двери лифта не закрылись. Выйдя на улицу и остановившись под стеклянным козырьком подъезда, по которому не переставая барабанил дождь, они задумались над дальнейшими действиями.

– Ты как хочешь, а я в ресторан обедать, – решительно заявил Айво. – Желудок диктует мозгу необходимость переместить тело поближе к камбузу.

– Не возражаю. А куда? – Сноу не очень хорошо ориентировался в «ресторанном» Париже.

– На Трокадеро есть отличное заведение, и не одно. Пошли!

Блумберг активировал силовой зонтик, закрывший их обоих от льющейся из прохуdivшихся небес воды, и они торопливо зашагали по пузырящимся лужам в сторону дворца Шайо. Эйфелева башня, появившаяся, как только они вышли на авеню Дэйло, виднелась чуть больше чем наполовину: третий этаж был скрыт тугой пеленой дождя и низкими облаками.

– Что мы имеем? – спросил Сноу, вытирая тарелку кусочком хрустящего хлеба и отправляя его в рот. – Умер известный астронавт, нет – космонавт, у русских они так называются, полковник Космофлота Александр Добровольский, 2234 года рождения, то есть сорока двух лет, участник четырех галактических экспедиций в дальнее внеземье и полутора десятков планетарных научных вояжей. Причем в последнюю дальнюю он летал в качестве командира экипажа – заместителя начальника экспедиции. Вернулся не так давно – в июне 2276-го, полтора года назад. Так, смотрим, куда летал, – Сноу сверился с коммуникатором. – Толиман⁹ в 2257-58 годах, Капелла¹⁰ в 2264-66, Вега¹¹ в 2268-71 и Ахернар¹² в 2273-76. Смотри-ка, все звезды – это «альфы» в своих созвездиях!

– Не больше, чем интересное совпадение, – ответил Айво, отодвигая пустую тарелку. – Гарсон, десерт!

– Совпадение? – задумчиво повторил Ричард. – Может быть. Пока не будем на этом заикливаться.

– Заикливаться ни на чем не стоит, – заметил Блумберг, придирчиво осматривая принесенную вазочку с разноцветными шариками мороженого, посыпанного тертым белым шоколадом.

– Хорошо. Дальше. Солярные экспедиции¹³: Плутон, Европа, Оберон... Черт, мы с тобой запутаемся в этих вояжах!

– Ричи, а нам это надо? – спросил швед, принимаясь за мороженое, внешний осмотр которого его удовлетворил. – Совершенно неочевидно, что эти экспедиции имеют отношение к его смерти. Я предлагаю для начала побеседовать с его друзьями, бывшей женой, коллегами по работе...

Сноу немного подумал, взвесив и так и эдак то, что предложил Блумберг.

– Ты прав, как всегда, наука. С кого начнем? С бывшей жены – Марлен Дютрон?

– Давай с неё. Где она живет?

Сноу нашел в МИППСе нужный файл:

---

⁹ Толиман – одна из звезд тройной звездной системы, альфа Центавра. Расстояние до Земли – 4,5 св. года.

¹⁰ Капелла – двойная звезда, красный гигант, альфа Возничего. Расстояние до Земли – 42 св. года.

¹¹ Вега – яркая бело-голубая звезда, альфа Лиры. Расстояние до Земли – 25 св. лет.

¹² Ахернар – яркая голубая звезда, альфа Эридана. Расстояние до Земли – 140 св. лет.

¹³ Сноу имеет в виду экспедиции внутри Солнечной системы.

– Тут, в Париже... – он с удивлением посмотрел на шведа. – Надо же – в кои-то веки к свидетелю не надо лететь за тридевять земель.

Он набрал на коммуникаторе номер и стал ждать. Наконец, ему ответили. На мониторе появилось миловидное лицо брюнетки.

– Мадам Дютрон?

– Да.

– Здравствуйте, вас беспокоит специальный агент КОНОКОМа Ричард Сноу.

– Понятно. Вы по поводу смерти Саши?

– Саши? – сразу не понял Ричард. – Ах, да, извините, Александра Добровольского.

– Меня сегодня уже расспрашивала полиция.

– Я знаю, мадам Дютрон, но дело в том, что когда происходит... м-м-м... умирает, или что-то случается с офицером Космофлота, этим в обязательном порядке занимается КОНОКОМ. Смерть месье Добровольского не исключение.

– Понимаю, – после некоторой паузы донеслось из коммуникатора. – Вы, вероятно, хотите поговорить?

– Если это вас не затруднит.

– Хорошо. Вы где?

– Мы с напарником сейчас в Париже, на Трокадеро.

– Тогда жду вас через полчаса у себя на улице Пасси, 27.

Мадам Дютрон отключилась. Сноу посмотрел на свой атомный «Ролекс», потом на Блумберга:

– Пасси, это ведь где-то рядом?

– Да, – вытирая рот салфеткой и бросая её на стол, ответил Айво. – Если бы не эта мерзкая погода, могли бы пешком прогуляться. Тут буквально рукой подать.

– На мэгвеях доберемся за пять минут.

Сноу имел в виду миниатюрные платформы на магнитной подушке, которые многие использовали в качестве индивидуального транспортного средства для передвижения на небольшие расстояния. Мэгвей, отдаленно напоминающий изобретенный еще в XX веке сегвей, управлялся торчащей из платформы вертикальной ручкой, заканчивающейся чем-то похожим на руль мотоцикла. Легкий наклон руля вперед – движение вперед, наклон назад – торможение и назад, влево, вправо – то же самое. Чем сильнее наклон, тем выше скорость или резкость поворота. Такая платформа была рассчитана на одного человека и скользила в нескольких сантиметрах от поверхности на скорости до сорока километров в час. Мэгвеи во всех городах использовались на специальных дорожках для велосипедистов и на проезжей части улиц, по которым теперь передвигались разве что редкие гравибасы.

Еще в середине XXII века весь транспорт ушел либо под землю, либо в небо. Под землей до сих пор действовала система туннелей мономагга – преемника древнего метро, опутавшая своей плотной паутиной всю Землю, а в воздухе безраздельно царили флаеры и флайты. Улицы городов почти полностью оказались во власти пешеходов, велосипедистов, мэгвейеров, гравироллеров и флайбордистов.

Выйдя из кафе, детективы подошли к стоянке мэгвеев и, оплатив залог, встали на круглые платформы, включили силовые зонтики и быстро заскользили над мокрой брусчаткой безлюдной в такую погоду площади Трокадеро. Вскоре они стояли около подъезда дома 27 по улице Пасси. Сноу нажал на кнопку видеофона, под которой светилась надпись «Мадам М. Дютрон-Добровольская». На экране появилось лицо Марлен:

– Входите. Шестой этаж.

Сноу и Блумберг прошли по скромному темноватому фойе на нулевом этаже и поднялись на шестой этаж¹⁴. Как только они вышли из лифта, одна из трех дверей на лестничной площадке приоткрылась.

– Проходите, – Марлен, одетая в темный брючный костюм, посторонилась, пропуская детективов, и закрыла за ними дверь. – Располагайтесь в гостиной, я сейчас.

Увидев на полу роскошный бежевый ковер, конокомовцы по очереди сунули ноги в обувную нишу, где их мокрые ботинки мгновенно вытерли, почистили и продезинфицировали специальные механизмы. Мягко ступая стерильными подошвами по безупречно чистому ковра, они прошли в комнату и остановились. Сзади появилась хозяйка и сделала жест в сторону больших кресел, обитых белым мехом. Пока они устраивались, Сноу смог рассмотреть Марлен Дютрон. На вид ей было около сорока и, судя по всему, она не очень старалась скрыть свой возраст. Красивой её назвать трудно, хотя она и не была лишена женской привлекательности. Темная шатенка среднего роста. Главное её достижение – огромные голубые глаза, которые не совсем вязались с немного тяжеловесным подбородком и крупноватым носом. Худая, но не настолько, чтобы это обращало на себя внимание. В целом же она производила впечатление вполне успешной бизнес-леди, для которой главное не внешняя привлекательность, а работа. Устроившись в кресле, женщина положила руки на колени и вопросительно взглянула на детективов:

– Я слушаю вас, месье.

Назвавшись сам и представив Блумберга, Сноу спросил:

– Не могли бы вы нам сказать, как и от кого вы узнали о смерти Александра Добровольского?

– Как от кого? От полиции, от кого же еще? Мне позвонил... этот... инспектор Гастон Леруа.

– Понятно. Никто больше не интересовался смертью Добровольского?

– Нет, – ниточки бровей приняли форму домиков, – с чего вы взяли? Еще не все знают о его... смерти.

– Понятно. Мадам Дютрон, не могли бы вы немного рассказать об Александре Добровольском?

– Господи, да зачем это вам? Какое теперь может иметь значение, каким был Саша, что он делал?

Однако сказано это было, скорее, безразличным тоном.

«Похоже на дежурное возмущение. Хотя...» – отметил про себя Сноу, но вслух не сказал ничего. Видя, что детективы молчат, Марлен пожала худенькими плечами:

– Мы с Сашей поженились в 2267 году, сразу после его экспедиции на Капеллу. По характеру он всегда был немного замкнутым и даже нелюдимым человеком, но мы с ним, видимо, отчасти похожи и вполне уживались до последнего времени. В 2268 году, уже после его отлета в очередную экспедицию, у нас родилась дочь Натали, ей сейчас девять лет...

– А её здесь нет?..

– Она учится в лицее-интернате в пригороде Парижа.

– А, простите, почему в интернате?

– Бабушек-дедушек у нас не наблюдается. Саша воспитывался в детдоме, а мои родители погибли... Он все время в полетах, ну а я тоже работаю. Так что могу заниматься Натали только по выходным, да и то не всегда.

– Понятно. Больше детей нет?

– Есть. У меня сын от первого брака.

– Взрослый?

---

¹⁴ Во Франции шестой этаж – это седьмой в России.

– Да, – вздохнула она. – Фредерик учится в Сорбонне. Но вы же хотели услышать о Саше...

– Да, да, конечно! Продолжайте, прошу вас.

– Наш брак не был особенно счастливым, но и несчастным его не назовешь. Каждый по большому счету занимался своими проблемами, своим любимым делом. Саша – космонавтикой, я – архитектурой. На детей времени оставалось мало, но покинутыми они не чувствовали себя никогда. Со стороны нас, возможно, принимали за идеальную пару...

Марлен замолчала.

– А что же подтолкнуло вас к разводу?

Женщина пожала плечами:

– Даже и не знаю, как сказать. Мы с Сашей расходились все дальше и дальше. Он совсем замкнулся в себе, сидел у себя на квартире, что-то писал, по-моему. Часто уезжал в Санкт-Петербург, и доходило до того, что мы неделями, месяцами не виделись. Мне это порядком надоело, и я предложила разойтись. Он воспринял это совершенно спокойно и подписал все бумаги, ни слова не говоря. Собственно, после этого наши взаимоотношения абсолютно не изменились: он как сидел у себя на Лоншан, или в Петербурге, так и продолжал сидеть, изредка звонил дочке.

– А с вашим сыном у него какие отношения?

– Никаких. Когда мы поженились, Фредерику было двенадцать. Он воспринял Сашу спокойно, но контакта у них никогда не было.

– Враждовали?

Марлен удивилась:

– Нет, что вы. Они общались совершенно нормально. Но как чужие люди.

Сноу и Блумберг переглянулись.

– Мадам Дютрон, а в последнее время вы не заметили каких-либо серьезных изменений в характере или поведении Добровольского? – спросил Ричи.

Женщина задумалась:

– Даже не знаю. За последний год я его видела всего несколько раз...

– А где, когда?

– В декабре прошлого года на новогоднем празднике в лицее дочери, потом... постойте! Он приходил ко мне около месяца назад и принес...

– Что принес? – тут же насторожились конокомовцы.

– Сейчас.

Марлен встала и вышла из комнаты. Буквально через пару минут она вернулась, неся в руках небольшую черную коробочку, которую передала Сноу. Ричард открыл нехитрый замок. Внутри на бархатной подложке лежал миниатюрный мемори-кристалл.

– А вы не проверяли – что на нем записано?

Блумберг осторожно достал накопитель из футляра и внимательно рассматривал.

– Нет. Саша попросил меня подержать это в сейфе. Обещал позже забрать... Вот. Не забрал...

– Мадам Дютрон, а мы можем его взять на время?

– Хоть навсегда, – равнодушно ответила Марлен. – Мне он совершенно ни к чему.

– Да. С одной стороны, ни черта мы не узнали, а с другой – получили мемори-кристалл, – проговорил Сноу, стоя с Блумбергом у лифта и рассматривая электронный накопитель. – Повезло, что она о нём забыла и не отдала полиции. Надо посмотреть скорее, что там записано.

– Ричи, но не на ходу же! Я предлагаю... – Айво посмотрел на часы. – Так, шесть часов, ужинать рано... Слушай, давай посмотрим, не живет ли кто из знакомых звездоплавателей в Париже? Зайдем, поговорим, а потом в «Сатурн» в наш офис и посмотрим запись.

– Ты имеешь в виду тех астронавтов, кто с ним летал? – переспросил Ричард, входя в лифт и пряча во внутренний карман черный футляр.

– Именно.

– Хорошо.

Он достал коммуникатор и занялся поиском. Лифт бесшумно опустил их на нулевой этаж и распахнул двери. Ричард, не отрывая взгляда от монитора, вышел и зашагал по скудно освещенному фойе. Блумберг шел чуть сзади, пытаясь заглянуть в экран через руку товарища.

Мелькнула тень, и сокрушительный удар отбросил спецарента к стене. Он с гулким звуком впечаталя в стену, сильно ударившись головой, и стал сползать на пол, нелепо поводя руками. МИППС светящимся квадратом улетел куда-то в угол. В следующую секунду кто-то резко подсек сзади ноги Блумберга, и швед опрокинулся на спину. С неприятным стуком его затылок вошел в соприкосновение с кафельной плиткой. Тень метнулась к сползшему на пол и почти потерявшему сознание Ричарду, сунула руку в карман куртки и вынула черный футляр. После этого темная фигура склонилась над распластным шведом, но вдруг громко щелкнул электрический замок входной двери. Тень на секунду замерла и спустя секунду скрылась на лестнице.

Глава 3

– Месье, месье, очнитесь!..

Сноу открыл глаза и тут же, застонав, закрыл: темное фойе вращалось, норовя поставить пол на место стен.

– Мой... друг?..

– Другой месье здесь, он тоже сильно ушибся, – женщина, видимо, консьержка, помогла Сноу сесть. – Как же вы так? Пол скользкий, с улицы воды нанесли – вот и...

Сноу повернул голову и увидел сидящего у лифта Блумберга. Тот одной рукой опирался об пол, а второй держался за затылок.

– Жив, викинг? – кряхтя, поднимаясь на ноги, спросил Сноу и привалился к стене.

– Жив... Голову вот разбил...

Айво отнял руку от затылка и посмотрел на ладонь: на ней осталось немного крови.

– Месье, я сейчас «скорую» вызову, – засуетилась консьержка.

– Мадам, мадам! – остановил её Сноу. – Не надо, мы сами с другом дойдем до ближайшей аптеки, там помогут. А вы не видели, кто сейчас выходил из дома?

Консьержка с сомнением посмотрела на еле шевелящихся агентов, пожала плечами и подала Ричарду подобранный с пола коммуникатор:

– Держите, это, наверное, ваш. А из дома при мне никто не выходил.

– Точно?

– Куда уж точнее, я на улице минут пять проторчала, прежде чем войти и увидеть вас на полу.

– А что под дождем-то стояли?

– Силовой зонтик никак не выключался, а с ним войти в подъезд, сами знаете – не получится...

– Да, понял. Спасибо вам и до свидания.

Конокомовцы кое-как, шатаясь и держась друг за друга, вышли на улицу. Уже стемнело, а дождь продолжал лить как из ведра, постепенно превращая в полноводные реки потоки, бегущие по краям дорог, и в водопады – струи воды, извергающиеся из старинных водосточных труб. Раскрыв силовой зонтик, они доковыляли до аптеки. Пожилая ворчливая провизорша быстро и профессионально промыла небольшую ранку на затылке Блумберга и наложила две эластичные скобы.

– Они сами рассосутся дней через десять. А пока голову не мойте. Я вам небольшой участок выстригла, – напутствовала она расстроенного шведа. – Но это не очень заметно.

Дав по таблетке и отследив, чтобы они их проглотили, она выпроводила детективов на улицу.

– Таблетки – это хорошо, но... – протянул Сноу, оглядываясь.

– Согласен, – ответил Блумберг, осторожно трогая пластырь на затылке, и указал на светящуюся вывеску «Кафе-бар Пасси». – Идем.

Усевшись за самый дальний столик в углу, они заказали подлетевшему дроиду-официанту по двойному виски со льдом.

– «Уокер», «Баллантайн»?..

– «Карду».

Робот удалился за заказом. Сноу полез шарить по карманам.

– Что-то потерял? – насторожился Блумберг, осторожно ошупывая болевший затылок.

– Да, – коротко ответил Сноу и накрыл ладонью лежащие на столе руки Айво. – Да, потерял.

– Что?

– Сначала скажи мне – Хрустальный шар у тебя?

Блумберг замер и полез во внутренний карман:

– Слава богу – вот он, – с облегчением вздохнул он, держа невидимый предмет на ладони.

Чтобы удостовериться в его наличии, Сноу протянул руку и коснулся кончиками пальцев: да, он здесь, невероятный, невидимый, но осязаемый и весомый сгусток пустоты.

– А я, похоже, потерял мемори-кристалл Добровольского... – с кислой миной пробормотал Сноу и виновато улыбнулся. – Вот так.

Блумберг посмотрел, как дроид расставляет на столике стаканы, в которых постукивали кусочки льда, и перевел взгляд на Ричарда:

– Не потерял, а вытащили, украли. Этот, который нас с тобой отключил. Здоровый, черт, как носорог.

– Не такой он и здоровый, не утрируй. Просто мы с тобой расслабились, и он нас взял на внезапность, – поправил Сноу и с удовольствием отпил большой глоток янтарной терпкой жидкости.

– Значит, за нами вели наблюдение с самого начала?..

– Не обязательно, старина. Думаю, что в квартире Добровольского кто-то поставил «жучков». Ты же не проверил квартиру на этот предмет?

– Нет, – качнул головой Айво. – Даже и не подумал, черт побери. И полиция этого не сделала, я уверен.

– Ну, вот. Все бы ничего, но мы с тобой нашли Шар, а именно он, похоже, интересовал неизвестных. Про мемори-кристалл нападавший мог и не знать, он искал Шар, но ошибся.

– Мда-а... оплошали мы с тобой, нечего сказать, – Блумберг тоже жадно припал к стакану. – Я вот что подумал: а куда он делся, этот фантом?

– А черт его знает, консьержка говорит... Стоп! Айво, ты помнишь погнутую арматуру карниза на балконе Добровольского?

Блумберг отставил стакан и удивленно посмотрел на Сноу.

– Я тебе не говорил? Так вот, на балконе механизм выдвижного карниза погнут то ли сегодня, то ли вчера. Дроид-слуга подтвердил – он следит за такими вещами. Таким образом, если предположить, что Добровольский умер не сам, значит, есть и убийца. Но как убийца покинул дом? Я успел выяснить, что через центральный подъезд он не выходил. Черный ход заперт. Значит, он ушел не через главную дверь. Теперь наш фантом: тоже в дверь не выходил. Куда же они оба...

– Почему «оба»? Скорее всего, это один и тот же человек, – возразил Блумберг и щелчком пальцев подозвал спящего по залу дроида. – Повтори-ка нам, приятель, и орешков каких-нибудь, что ли, принеси.

Сноу проводил дроида взглядом и продолжил:

– Вот я и спрашиваю, если он не уходил обычным путём, то, получается, пользовался каким-то маневром. А что, если предположить, что из квартиры Добровольского он выбрался через балкон?..

– Как это – через балкон? – переспросил Айво. – Там все-таки пятый этаж. Если принять твое предположение, то к балкону должен был причалить легкий флаер, или...

– Нет, Айво, я знаю, о чем ты подумал, нет. Индивидуальный ранцевый космофлотовский левитатор слишком громоздкий и неуклюжий. А потом, ну-ка объясни мне: вот подлетел убийца к балкону. Что дальше? Как он войдет – ведь ему придется снимать каркас левитатора, потому что в таких доспехах он не пройдет через балконную дверь. Хорошо, предполагаемый убийца снимает левитатор – и?.. Где он его оставит – на крохотном балконе, где горшок с цветком поставить невозможно? Ну, и, наконец, на улице не валяются космофлотовские левитаторы, предназначенные для использования на планетах с повышенной гравитацией.

Блумберг молчал.

– Я думаю, Айво, его снаружи ждал байкфлаер.

– И никто не заметил?

– В такую погоду? – ответил вопросом на вопрос Сноу.

– Значит, их было двое.

– Не обязательно. В режиме неподвижного зависания байкфлаер спокойно мог болтаться на уровне балкона. Кстати, – поднял палец Сноу. – Порывом ветра его могло резко прижать к стене – вот тебе и погнутая арматура карниза.

– Логично. Но открытая входная дверь? – не сдавался Блумберг.

– Для отвода глаз.

Швед отхлебнул из полного бокала, только что принесенного дроидом, и хмуро заметил:

– Тогда надо возвращаться в дом мадам Дютрон и опрашивать жильцов, осматривать лестничные площадки на каждом этаже...

– Не надо, Айво, зачем? Мне, например, не нужно подтверждения, что всё произошло именно так. Но, если тебе так хочется...

Сноу достал МИППС, Позвонил Марлен Дютрон и узнал номер консьержки. Спустя несколько минут на экране появилось лицо их спасительницы:

– Месье?

– Мадам, вы только что помогли мне и моему другу. Мы упали у вас в подъезде...

– Ах, да-да!.. Вам оказали помощь?

– Спасибо, не волнуйтесь, мы были у фармацевтов, и они помогли. Мадам... – Сноу скосил глаз на информационную строку, где высветилось имя, – Дельгард, не могли бы вы проверить, все ли окна на лестнице у вас закрыты?

У консьержки удивленно расширились глаза:

– Вы угадали, месье. На втором этаже сломался замок, и окно распахнулось. Воды натекло! Вот сейчас как раз занимаюсь уборкой.

– Спасибо, мадам, до свидания!

Сноу выключил коммуникатор, не дожидаясь ответа консьержки, боясь лишних и ненужных вопросов.

– Вот так, наука, учись!

– Лихо, – согласно кивнул Айво. – Ничего не скажешь. Будем считать, что фантом – это и есть гипотетический убийца Добровольского. Хорошо, тогда возникает закономерный вопрос... вернее, вопросы. Первое: из-за чего или кого убит Добровольский? Второе: Каким образом он убит? Его отравили, умертвили медикаментозно...

– Это одно и то же, – усмехнулся Сноу.

– Согласен, – кивнул Блумберг. – И третье: почему взяли за нас?

– Это как раз самое простое. Мы засветились на расследовании внезапной смерти известного астронавта, можно сказать – легенды дальнего внесемелья – раз... – Айво собрался загибать пальцы, но Сноу остановил его.

– Подожди. До этого ты все говорил верно, но теперь я тебя немного подправлю и тоже посчитаю. Смотри. Первое: расследование ведем не мы, а парижская криминальная полиция; второе: то, что Добровольского убили – всего лишь наше предположение, причем основанное пока на одних допущениях и умозаключениях; третье... – Сноу не успел договорить.

– ...третье и главное – это то, что мы нашли Хрустальный шар, – немного отрешенно глядя на Ричарда, закончил швед.

Он зачем-то повертел в руках бокал с полурастаявшими и округлившимися кубиками льда и поставил его на стол.

– Ты хочешь сказать, что знаешь, что это такое?

– Нет, этого я сказать не могу. Но я знаю человека, который, по-моему, кое-что знает об артефакте.

- Кто?
- Коллега Добровольского, полковник Джонсон.
- Джонсон? Кто это?
- Он летал с Добровольским.
- С чего ты взял, что он что-то знает, Айво?

– Понимаешь, полковник после экспедиции на Вегу в 2268-71-х годах – это была, если мне не изменяет память «Галактическая-803» – был списан медкомиссией с Космофлота и отправлен в отставку. Чуть позже он издал мемуары, в которых описывает свои космические экспедиции в дальнее и ближнее внеземелье. Вот в его воспоминаниях я и вычитал один пассаж, который меня в свое время заинтересовал. Я даже собирался расспросить полковника по поводу его книги, но замотался и забыл, а сейчас, видимо, пришло время вернуться к вопросу. Дело в том, что он вскользь упоминает о какой-то библиотеке, причем применяет это понятие не в прямом, а в... переносном, что ли, смысле.

– Это как? – не понял Сноу.

– Как это объяснить? – швед замялся, подыскивая слова. – У меня создалось впечатление, что он говорит, вернее, пишет «библиотека», подразумевая не хранилище книг как таковое, а некое место, какой-то коллектор, где собрано... собрано... что-то собрано вместе. Не знаю, черт возьми!

– Дык, наверное, это еще одна байка астронавтов. Ты же сам знаешь, какие они суеверные и как любят всякие тайны и легенды. Помнишь, лет десять назад дело «Призрака Тритона»¹⁵? Здесь, полагаю, такая же туфта. Сплошные домыслы, предположения, а, главное, все загадочно и таинственно, но доказать ничего не возможно. Потому что кроме разговоров и слухов под этим ничего нет!

Сноу приблизил Индивидуальную планетарную единую карточку (ИПЕК) к сканеру дроида, который тут же сообщил:

– Ваша оплата принята! Наше «Кафе-бар Пасси» всегда с удовольствием ждет вас...

Но конокомовцы уже выходили из ресторана, не слушая заученную речь официанта, провозжающего их взглядом своих красноватых телеобъективов.

– Коли ты так увлечён мемуарами Джонсона, то, наверное, знаешь, где он живет? – поинтересовался Ричард, не выходя из-под козырька кафе и грустно поглядывая на темную улицу, на которую по-прежнему низвергались потоки воды.

– Где-то в Голландии, – ответил Айво, доставая МИППС. – По-моему, в Зандворте. Сейчас я ему позвоню.

Джонсон ответил сразу, выслушал просьбу и предложил прилететь к нему сегодня же.

– Если вы сейчас в Париже, то до Зандворта вам лёту меньше часа, и я готов вас принять. А вот завтра – извините, никак не смогу. У меня весь день медицинские процедуры. Ну, так как?

Детективы переглянулись, Сноу неопределенно пожал плечами, как бы говоря «делай, как знаешь», и Айво ответил:

- Полковник Джонсон, мы вылетаем.
- Добро, жду вас у себя через час.

Когда флаер набрал высоту, поднявшись в темное небо над облаками, и по стеклам кабины перестал хлестать неиссякаемый дождь, Ричард снял куртку, бросил её на свободное кресло и с удовольствием вытянул ноги, намереваясь покемарить. Однако ворочающийся и вздыхающий рядом Блумберг не давал заснуть. В конце концов, поняв, что поспать не удастся, Ричард посмотрел на шведа и спросил:

– Ну, и чего ворохаешься? Сам не спишь и другим не даешь.

---

¹⁵ Тритон – спутник планеты Нептун, один из крупнейших спутников в Солнечной системе.

– Послушай, Ричи, вот ты вспомнил давнишнюю историю «Призрака Тритона»... – вместо ответа проговорил швед.

– Да, вспомнил.

– А само дело-то читал, или так – только слышал о нем?

Ричард насторожился.

– А ты что, хочешь сказать, что выводы комиссии...

– Да. Не уверен я в заключении комиссии. Знаю я эти комиссии...

– Ты всегда сомневаешься в заключениях комиссий, Айво! Ладно, и что из этого следует?

– Ричи, ты помнишь дело?

– В общих чертах.

– «В общих чертах», – передразнил его Блумберг. – Я тебе сейчас напомню. Дело это необычное во всех отношениях и загадочное.

Глава 4

Документ № 1

Совершенно секретно
Дознание по делу № 23-567/т
«Призрак Тритона»
Том 2
Стенограмма показаний
астронавта-инженера
Шона Локкерби
13 мая 2265 года

– Шон Локкерби?

– Я, ваша честь.

– Шон Локкерби, вас заслушивает не суд, а специальная комиссия КОНОКОМа, поэтому обращаться к нам следует «уважаемая комиссия». Ваше звание, должность, выполненные миссии?

– Инженер-астронавт второго класса Космофлота. Участвовал в экспедициях Меркурий-29, Церера-3 и Нептун-5.

– Ваша должность в составе экспедиции на Нептун?

– Инженер систем жизнеобеспечения спейсфлаера, посадочных модулей, орбитальных лабораторий и наземных станций.

– Шон Локкерби, комиссию интересуют события, произошедшие на спутнике Нептуна Тритоне во время экспедиции Нептун-5.

– Понял. Мне вот просто так – рассказывать?

– Да, инженер Локкерби. Если у членов комиссии возникнут вопросы, они их вам зададут по ходу вашего изложения.

– Хорошо, уважаемая комиссия. Значит, так. Спейсфлаер «Амулет» стартовал с лунной базы «Море спокойствия» 14 апреля 2263 года. До Нептуна мы добирались почти две недели. Но свободного времени в полете не было. Пришлось потратить массу усилий на приведение в порядок и самого корабля, и экспедиционного оборудования, которое, как мне кажется, кое-как побросали в грузовой отсек, нисколько не беспокоясь о порядке загрузки и условиях перевозки, и, как следствие, о сохранности. К счастью, причиненный ущерб оказался минимальным, и экспедиция продолжила полет. Надо сказать, что район Нептуна уже достаточно изучен предыдущими четырьмя экспедициями, которые оставили на орбите и на спутниках всевозможные зонды, сигнальные бакены и другое научное и навигационное оборудование. Нашей экспедиции была поставлена задача не столько научная, сколько навигационно-логистическая. Мы должны были запустить на орбиту ретранслятор субкосмической связи «Молния» и орбитальную лабораторию «Визирь». На спутнике Нептуна Тритоне мы продолжили строительство наземной станции «Гелиос-10». К моменту нашего прилета станция состояла из жилого отсека и научного сектора. В перспективе предполагается, что она

станет основной земной базой в системе Нептуна, и на ней постоянно будет находиться от десяти до двадцати научных сотрудников.

Прилетев на грузовом модуле на поверхность Тритона, мы попрощались с пилотом, который направился обратно на «Амулет», а сами перешли в жилую зону станции.

– Уточните, когда вы прилетели на Тритон и с кем.

– Я, инженер Лэй и биохимик Сингх приземлились на Тритоне 15 мая 2263 года. Остальные остались на «Амулете», там тоже работы хватало – никак не удавалось поставить на расчетную орбиту лабораторию.

– Продолжайте.

– Спасибо. В связи с тем, что на Тритоне нам предстояло провести не менее двух недель, мы заняли три из десяти пустующих кают и через несколько часов начали собирать технический сектор станции. В течение нескольких дней работа велась размеренно, но достаточно быстро. Мы вполне могли рассчитывать на то, что закончим установку сектора раньше срока по крайней мере на день, а то и на два. Но на пятые сутки случилось то, ради чего, собственно, вы меня и вызвали.

– Инженер Локкерби, вынуждены сделать вам замечание. Мы просим вас не комментировать решения комиссии, и не высказывать ваших предположений относительно ее намерений. Для этого существуют компетентные инстанции. Просим вас отвечать по существу на поставленные вопросы. Вам понятно?

– Да... извините. Да-а... Вот, значит, на пятый день всё и началось. Я работал снаружи на поверхности Тритона и руководил работой двух ремонтных дроидов. Неожиданно один из них слегка перенапряг растяжку каркаса, она резко распрямилась и, сорвав крепеж, улетела в сторону. Вы, надеюсь, представляете, какое слабое освещение на Тритоне. Солнце виднеется на черном небе в виде золотой маленькой горошины и его световой поток составляет лишь три процента от того, что получает Земля, а голубой отраженный свет Нептуна дает еще полтора-два процента освещенности. Поэтому место, где велись работы, оборудовано несколькими мощными прожекторами, а все вокруг теряется в синем сумраке. В связи с тем, что таких растяжек у нас в запасе было ограниченное количество, я пошел ее искать, захватив с собой переносной фонарь. К сожалению, в той стороне, куда улетела деталь, метрах в двухстах находится глубокое ущелье.

– Растяжка улетела на двести метров?

– Да, уважаемая комиссия. Дело в том, что сила тяжести на Тритоне в тринадцать раз меньше, чем на Земле, поэтому деталь и могла улететь так далеко.

– Комиссии известны физические свойства Тритона. Продолжайте.

– Я приблизился к ущелью вплотную и пошел вдоль него. Даже с фонарем в нагромождениях скал и мутного льда отыскать ярко-оранжевую полутораметровую металлическую растяжку очень трудно. И я сильно удивился, когда вскоре наткнулся на деталь. Я её поднял и направился обратно к месту стройки. К сожалению, растяжка не входила в пазы. Я тогда подумал, что она деформировалась при ударе, и отложил в сторону. По окончании смены я вернулся на станцию, захватив с собой поврежденную деталь. При ближайшем рассмотрении я с удивлением обнаружил, что она полностью исправна и не погнулась, как я сначала подумал: просто пазы в

ней не соответствовали собираемой нами модели блока. Я показал её Лэю, и он определил, что эта растяжка для марсианских вариантов модульных станций «Циклон-12». Мы с Сингхом сверили идентификационный номер детали на компьютере. Оказалось, что Лэй прав. Тогда мы пошли в ангар и распаковали контейнер с растяжками. Все детали оказались нашими – для станции «Гелиос-10». Как в контейнер попала единственная некалиброванная растяжка, трудно сказать, но мы не стали ломать над этим голову, а просто отложили её.

– На следующий день, 16 мая, я опять был снаружи и следил за сварочными работами. Дроиды трудились слаженно и быстро, и мне по большому счету делать было нечего. В какой-то момент я и увидел необычные отблески в том направлении, где накануне искал растяжку. Будто кто-то фонариком светит. Я оставил роботов одних и пошел посмотреть, что это там посверкивает. Подойдя к самому краю ущелья, я заметил невдалеке человеческую фигуру. Посветив фонарем, я подумал, что это кто-то из наших – Лэй или Сингх – в стандартном оранжевом скафандре. Недолго думая, я окликнул и спросил, что он здесь делает.

– Кто – «он»?

– Ну, это... Лэй или Сингх. Я же думал, что это кто-то из них. А он... этот, в скафандре, не оборачиваясь, отвечает, что, мол, здесь одну вещь потерял. Голос на Лэя очень похож мне показался. Я удивился, подумал, что он про растяжку мне говорит, а я же еще вчера её нашел, и мы все вместе её осматривали. В таком духе я ему и ответил. А сам все ближе к нему подхожу. И тут он оборачивается и как закричит, что потерял не какую-то растяжку, а платформу, в которой весь запас кислорода, и что у него осталось воздуха всего на несколько минут. Он как-то неловко шагнул ко мне, споткнулся и медленно полетел в пропасть. Я сразу не сообразил даже, что происходит, не успел его подхватить, да и был немного... того... Как бы это сказать...

– Мы слушаем вас.

– ...растерян... испуган... Да, испуган. Потому что мне показалось, что сквозь забрало шлема на меня смотрело не лицо, а... Нет, наверное, мне это показалось.

– И всё же, инженер Локкерби, что с лицом астронавта вам показалось не так?

– Оно было какое-то иссохшее, сморщенное, как печеное яблоко...

– Продолжайте.

– Я срочно позвал Сингха и вызвал универсального дроида. Я предполагал, что нам придется Лэя вытаскивать. Но к краю пропасти пришел не только Сингх, но и Лэй. Как выяснилось, он в этот день работал внутри станции и до этого момента вообще не выходил на поверхность. Мы сообщили о произошедшем на «Амулет», но там тоже все находились на месте. Поиски на дне ущелья ничего не дали.

– А что вы сами думаете по этому поводу?

– Даже не знаю. Судовой врач позже сказал, что это галлюцинация от некачественной воздушной смеси в моем скафандре. Может, и так, не знаю. Но галлюцинаций у меня ни до этого, ни после никогда не наблюдалось, да и медкомиссия не нашла никаких отклонений, ведь есть же её заключение, вы можете его прочитать.

– Комиссия ознакомилась с заключением медиков. А вы не запомнили никаких особых примет человека – рост, особенности скафандра, что у него было в руках?

– Нет. Когда на человеке скафандр, рост определить очень проблематично, в руках он, по-моему, ничего не держал. Но на груди у него крепился нестандартный прибор, похожий на универсальный геологический анализатор. Да, и еще – он был в очках! Я успел это заметить – линзы сверкнули, когда он ко мне повернулся. Вы же знаете, что почти никто под скафандр не надевает очки – все пользуются контактными линзами. Если очки сползут, то обратно их надеть вряд ли получится – для этого надо открывать забрало шлема. Некоторые, правда, резинками дужки сзади соединяют, но это тоже ненадежно...

– Больше ничего?

– Н-нет... Хотя... номер. Номер на заплочном ранце запомнил: сорок семь.

– Сорок семь? Вы уверены?

– Да, абсолютно. Когда я к нему подошел, он стоял ко мне спиной, и я осветил его фонарем. Сорок семь – я точно помню!

– Спасибо, инженер Локкерби.

Справочно

Видеорегиистратор в скафандре Ш. Локкерби был неисправен и не работал. Съемка с камеры, установленной у входа на станцию, велась, но угол обзора таков, что нужный сектор в кадр не попал.

Документ № 2

Совершенно секретно
Дознание по делу № 23-567/н
«Призрак Тритона», Том 3
Приложение
Краткая выписка
из отчета начальника
марсианской станции
«Циклон-23» Ф. Бейли

15 мая 2263 года планетолог Ференц Лайош выехал на легкой гравиплатформе с марсианской станции «Циклон-23» и направился в сторону завода по производству кислорода для пополнения запасов воздуха базы. Через четыре часа он перестал отвечать на наши запросы. Предпринятые попытки обнаружить астронавта не увенчались успехом. Запаса кислорода у него было на шестнадцать часов, плюс дополнительные баллоны на двадцать часов, запас хода гравиплатформы – не более ста километров. Гравиплатформа через две недели была обнаружена в ста тридцати двух километрах от станции. Запасные баллоны на ней остались неиспользованными.

Документ № 3

Совершенно секретно
Дознание по делу № 23-567/н
«Призрак Тритона»
Том 3
Приложение
Справка к делу

Ференц Лайош был обнаружен случайно 23 апреля 2265 года (почти через два года после исчезновения) в 278 километрах от станции «Циклон-23» при воздушном картографировании поверхности Марса. Тело частично мумифицировано, причина смерти – удушье от нехватки кислорода. При нем находился переносной универсальный геологический анализатор. Номер скафандра – сорок семь.

Документ № 4

Совершенно секретно
Дознание по
Делу № 23-567/н
«Призрак Тритона»
Том 4

Решение специальной Комиссии
КОНОКОМа

1. Гибель астронавта Ференца Лайоша квалифицировать как несчастный случай.

2. В связи с выявленными необычными обстоятельствами предложить научному отделу КОНОКОМа продолжить работу.

5 июня 2265 года

Подписи членов Комиссии

Документ № 5

Совершенно секретно
Дознание по Делу № 23-567/н
«Призрак Тритона»
Том 4
Резолюция Научного отдела
КОНОКОМа

«Списать в архив».

30 декабря 2265 года
Нач. научного отдела М. Штольца

– Получается, что научный отдел так ничего и не обнаружил? – спросил Сноу. – И сам же в этом расписался?

Блумберг кивнул и стал смотреть на запад – туда, где еле рдели последние всполохи вечерней зари.

– И что такого необычного в этом деле? – продолжил Ричард. – Ну, нашли его почти в трехстах километрах – эка невидаль! И не такие случаи известны. А что там привиделось этому инженеру на Тритоне – вообще ерунда. Насмотрелся и наслушался сообщений по поводу исчезновения и поисков планетолога – вот и примерещилось незнамо что. Вампирный ужас!

Айво повернул голову:

– Ужас, говоришь? Вампирный? А как тебе понравится тот факт, что галлюцинация Локкерби по времени абсолютно точно, до минут – это проверено – совпадает с моментом, когда у венгра на Марсе кончился кислород. Это – раз. Проверено – Локкерби и Лайош в жизни никогда не пересекались и друг друга знать не могли. А когда Локкерби показали фотографию Лайоша, он опознал его. Это – два. Исчезновение и гибель венгра не освещались в СМИ, и, следовательно, знать об этом Локкерби не мог. Это – три.

Сноу задумчиво потер переносицу.

– И очки он носил?

– Венгр? Да, носил.

– Хорошо, тогда объясни мне, в чем там закавыка?

– А я-то откуда знаю?! Дело давно в архиве, я им не занимался, Штолец его вел, мой предшественник. А у меня с ним сам знаешь, какие непростые отношения.

– А зачем тогда ты мне всё это рассказал?

– Чтобы ты понял, что легенды внеземелья, которые циркулируют в среде астронавтов, имеют под собой реальную почву.

– И да и нет, Айво. Есть, действительно, легенды, которые основаны на прочных фактах, и тут я с тобой спорить не стану. А есть мифы, фантазии, героический эпос внеземельщиков, если хочешь. Небывальщина, одним словом.

– Ну, как знаешь, – Айво снова отвернулся к окну. – Только ты имей в виду, что Джонсон нам сейчас тоже может порассказать всякой небывальщины, как ты выражаешься. Так ты постарайся с ним без твоего скепсиса разговаривать, а то...

– Ладно, ладно, Айво! Что ты, ей-богу?

Сноу несколько секунд просидел неподвижно, потом набрал номер:

– Инспектор Леруа! Добрый вечер... Да, да, конечно... Что звоню? Инспектор, медики еще не назвали причины смерти Добровольского? Как? Острая сердечная недостаточность. Других... Понятно. Спасибо, инспектор, до свидания.

Ричард выключил МИППС и взглянул на Блумберга. Тот, продолжая смотреть в окно, прокомментировал без всякого выражения:

– Это тот диагноз, когда врачам просто нечего сказать.

Оба конокомовца замолчали, каждый по-своему обдумывая сообщение Леруа.

– Через семь минут мы совершим посадку в Зандворте, – прозвучал механический голос дроида-пилота, и пол кабины стал проваливаться вниз. – Прошу приготовиться и пристегнуть ремни безопасности. Начинаю снижение.

Глава 5

Полковник Оливер Джонсон встретил детективов на пороге своей небольшой виллы, расположенной на самом берегу. Невидимое в сгустившейся темноте Белое море совсем рядом мерно бухало тяжелые высоченные волны о песчаный берег, а ветер был такой, что силовой зонтик, который легкомысленно раскрыл Блумберг, тут же с хлопком вырвался из рук и исчез в водовороте дождя и тумана. За пятьдесят метров, что им пришлось пройти до дома, они успели и подмокнуть, и даже слегка подмерзнуть.

Сняв влажные куртки и обувь и отдав их домашнему дроиду, они прошли вслед за опирающимся на трость хромающим Джонсоном в просторную гостиную, посередине которой уютно потрескивал сухими дровами настоящий камин – редкость в XXIII веке. Айво непроизвольно протянул к огню руки, будто стараясь их согреть. Угадав их мысли, полковник предложил им расположиться в креслах поближе к огню и сел сам. Он был невысок ростом, но в плечах – косая сажень. Широкое лицо обрамляла идеально ухоженная борода, волосы на голове торчали ровным коротким пепельным ежиком. Своим обликом он неуловимо напоминал норвежского шкипера. Для полной картины не хватало только трубочки в зубах.

Джонсон прислонил трость к спинке кресла, взял в руки длинную тонкую кочергу и пошуровал в камине.

– Слушаю вас, господа.

– Полковник Джонсон, разрешите представиться... – начал Сноу.

Джонсон махнул рукой:

– Отставить, майор. Во-первых, ваш коллега представился, когда звонил мне, во-вторых, я разговаривал с вашим Дугом.

Ричард наклонил голову:

– Вы имеете в виду начальника аналитического отдела КОНОКОМа Дугласа Пирса?

– Так точно. Я с ним давно знаком. Хотел его расспросить, с чем связан ваш визит ко мне, но вразумительного ответа так и не добился. Но я и не ожидал, что он мне сразу всё выложит. Пирс – известный хитрый лис. Поэтому жду пояснений от вас.

К полковнику подлетел дROID, держа в манипуляторе салфетку.

– Господа, никто не хочет выпить? – спросил Джонсон.

– Что-нибудь горячее не помешало бы, – ответил Блумберг и поежился.

– Vin chaud¹⁶ подойдет?

– Прекрасно.

Джонсон дал указания роботу.

– Ну-с, господа, я вас слушаю.

Сноу многозначительно посмотрел на шведа, и тот, тихонько вздохнув, заговорил:

– Господин полковник, вы ведь слышали о внезапной кончине Александра Добровольского? – Джонсон чуть кивнул головой. – В таких случаях проводится обязательное... дознание КОНОКОМа.

– В каких случаях? – переспросил полковник.

– В случаях, когда умирает или погибает сотрудник Космофлота.

Полковник секунду помолчал, потом задал неизбежный вопрос:

– А у вас есть причины сомневаться в... э-э-э... естественности смерти Александра?

– Нет, – ответил Сноу. – Буквально четверть часа назад я разговаривал с инспектором криминальной полиции Парижа Гастоном Леруа. Он подтвердил, что Добровольский умер от сердечного приступа.

---

¹⁶ Горячее вино (*фр.*) – разновидность глинтвейна.

– А тогда зачем вам я? – поинтересовался Джонсон и взял с подноса, принесенного роботом, стакан. – Согрейтесь немного, господа, корица и другие специи добавлены по моему особому рецепту.

– Дело в том, что мы с коллегой обнаружили в парижской квартире Добровольского большую коллекцию минералов и вспомнили, что вы в своих мемуарах ее упоминаете, – с удовольствием отпив горячего вина, сказал Ричард.

Сноу быстро посмотрел на Айво, который, услышав эти слова, замер, не донеся стакан до рта. Но делать нечего – приходилось импровизировать. Вот, если только Джонсон не упоминал об этом...

– Вы читали мою книгу? – несказанно удивился полковник, и брови его подскочили вверх.

Сноу внутренне сжался. Если сейчас Джонсон задаст какой-нибудь вопрос по книге, которую он сам не читал, а Блумберг ее в лучшем случае пролистывал с пятое на десятое несколько лет назад, то не миновать конфуза...

– Что ж, не скрою, мне приятно слышать, что книга вызвала интерес не только у астронавтов, но и у людей... э-э-э... смежных профессий. Да, действительно, в одном месте я упоминаю коллекцию внеземных минералов, собранную Александром. А что вас интересует конкретно?

Ричард снова посмотрел на Блумберга, который слегка покачал головой и, наконец, отпил горячего вина.

– Полковник, в этой коллекции есть один экспонат под номером 3779 дробь 2...

– 3779 дробь 2, – повторил полковник, – сейчас посмотрим, что это такое. Александр не так давно подарил мне каталог своей коллекции – а она у него одна из лучших на Земле!

Полковник подозвал дроида, и спустя минуту тот принес великолепно оформленный буклет. Пока робот отсутствовал, Сноу прислушался к шуму волн, которые обрушивались на берег совсем рядом. Похоже, что шторм усиливался, потому что некоторые удары о берег многотонных водяных холмов явно заставляли слегка подрагивать дом, стоящий на невысоких сваях практически на кромке воды. Джонсон взял каталог и принялся его листать.

– Так, вот он – 3779... Стойте, но никакой дроби тут нет!

– Как так? – не поверил Сноу.

Он встал, подошел к полковнику и заглянул в лежащий у того на коленях каталог. Там на каждой странице было напечатано по шесть-восемь объемных голографических фотографий с подписями и каталожными номерами. За 3778-м шел 3779-й. Это был невзрачный камень серо-зеленого цвета. Дальше располагалась фотография другого камня с номером 3780.

Джонсон поднял глаза на стоящего рядом Ричарда:

– Наверное, какая-то ошибка.

– Нет, полковник, я тоже помню – 3779 дробь 2! – подтвердил Айво.

– Подождите, полковник! Попросите вашего дроида принести мою куртку!

Через минуту Сноу торжественно вынул из кармана слегка помятую влажную бумажную табличку и прочитал:

– Хрустальный шар, номер три тысячи семьсот семьдесят девять дробь два!

Он протянул табличку озадаченному полковнику, который её внимательно осмотрел, а потом вернул Ричарду.

– А экспонат-то чем вас заинтересовал?

Конокомовцы переглянулись.

– Видите ли, полковник Джонсон, я не уверен, что могу... – начал Сноу.

– Так, майор, – прервал его твердым голосом Джонсон и отложил в сторону каталог. – Если вы хотите услышать мое мнение по тому или иному поводу, то прошу вас... как бы это помягче... не утаивать от меня по крайней мере основные факты, иначе я не смогу, да и не

захочу быть вам полезен. Я участвовал в четырех экспедициях в дальнее внесемье, и секретов мне и Космофлот и ваш КОНОКОМ доверяли не меньше, а то и больше, чем вам, майор. Поэтому предлагаю играть «карты на стол».

Глаза Оливера Джонсона, словно две льдинки, сверлили Ричарда. Агент обернулся, взглянул на немного растерянного Блумберга и принял решение:

– Хорошо. Айво, покажи полковнику шарик Добровольского.

Швед, секунду помедлив, достал из своей сумки-визитки Хрустальный шар и, привстав, передал Джонсону. Полковник с интересом принял невидимую игрушку, осмотрел ее со всех «сторон», покачал в ладони, словно взвешивая, и полез в карман. Оттуда он вынул лазерный фонарь и направил луч на шар. Синяя светящаяся игла спокойно пронзила иллюзорный объект, не встретив на своем пути никакого сопротивления. Повертев артефакт в руках, он вернул его Блумбергу.

– Хрустальный шар, значит. Понятно. Теперь моя очередь, – он обернулся к дроиду. – Принеси-ка мне Параллелепипед.

Сноу и Айво быстро переглянулись, но это не ускользнуло от внимания Джонсона. Он усмехнулся:

– Да, да, господа, как и условились, играем в открытую. Артефакт Добровольского не единственный, у меня тоже кое-что имеется!

Подлетевший к нему дROID протянул зажатый в манипуляторе ящичек. Джонсон открыл его и вынул небольшой прямоугольный предмет, завернутый в замшевую материю. Развернув, он продемонстрировал собеседникам брусок темно-серебристого цвета длиной около пятнадцати сантиметров.

– Вы видите перед собой так называемый Параллелепипед. Сделан он из нержавеющей стали с некоторыми примесями, которые не вызывают у земных металлургов никакого удивления: магний, серебро, никель и так далее. Но вот первый удивительный факт: соотношение высоты, ширины и длины у «параллелепипеда» абсолютно точное – один к трем к десяти. Причем точность эта доходит до двадцати одного знака после запятой...

– Уровень зепто¹⁷? – уточнил Айво.

– Совершенно верно. Точность приближается к молекулярному уровню. Мы так еще не скоро сумеем. Но есть другое свойство Параллелепипеда: полная, абсолютная инертность к гравитационным и магнитным полям.

– Как это? – выпрямился в кресле Айво. – Поясните, полковник.

– А что тут пояснять? Смотрите.

Джонсон вытянул перед собой руку, в которой был зажат артефакт, и разжал пальцы. Сноу и Блумберг ожидали, что тяжелый металлический брусок неминуемо упадет на пол, но он остался, слегка покачиваясь, висеть в воздухе, словно находился в полной невесомости. Пораженные детективы заворуженно наблюдали, как полковник легким щелчком пальцев подтолкнул Параллелепипед, и тот поплыл к стене, легонько ударился о неё и медленно двинулся обратно.

– Раз приданное ему движение будет сохраняться бесконечно в безвоздушном пространстве. В воздухе и в воде сила инерции зависит от плотности окружающей среды.

– А если его подбросить вверх?

– Если ускорение будет большим, Параллелепипед преодолеет сопротивление атмосферы, улетит с Земли и канет в космическом пространстве. Если же ускорение не сможет преодолеть плотности атмосферы, то он просто-напросто зависнет на той высоте, где скорость станет нулевой.

---

¹⁷ Зепто – дольная приставка в международной системе единиц, обозначающая множитель 10^{-21} .

– Поразительно... – прошептал потрясенный Айво. – Скажите, а проводились ли исследования на предмет...

– Стойте, – жестом прервал его полковник. – По моей просьбе Параллелепипед был конфиденциально исследован в лаборатории одного из крупных научных центров. Ничего особенного обнаружено не было: кусок стандартного, немного необычного по примесям металла. Никаких наведенных полей, внутренних устройств и так далее.

– А почему мы... то есть КОНОКОМ ничего не знает об этом... этих артефактах?

– Потому что те люди, к которым я обращался и просил молчать, умеют держать свое слово. Думаю, что в случае с шаром Добровольского та же история.

– Но ведь...

– Майор – мой вам совет. Не говорите пока никому об артефактах...

– Но, полковник, мы не можем... Директор Дон Кимура...

– Нет, майор, можете. Тем более что я знаю Дон Кимуру. Он разовьет ненужную кипучую деятельность, все засекретит, и мы с вами никогда больше не увидим артефактов. У меня, если честно, всегда закрадывалось сомнение в целесообразности существования такой организации, как КОНОКОМ, вы уж извините. Но о вас, Сноу я, во-первых, наслышан от своих друзей, которые дали вам высокую оценку не только как специалисту, но и как человеку, а, во-вторых я и сам в курсе некоторых ваших дел. Вопросы контакта, поиска следов инопланетных палеоцивилизаций не обязательно решаются чиновниками вроде Дон Кимуры, а тем более такими фиглярами, как председатель Совета Земли Флетчер. Если вы мне дадите слово не распространяться об этих удивительных объектах, я постараюсь вам помочь. Хотя, что я говорю – скорее это вы мне поможете.

Полковник сверлил холодными глазами Сноу и Блумберга и ждал ответа.

– Мы вам поможем? – переспросил Сноу. – С чего бы это?

– Мы с вами, судя по всему, попутчики. Возможно, что до самой конечной станции. Но я жду ответа. Что вас смущает, черт возьми? Решайтесь.

Сноу надолго задержал взгляд на Блумберге и ответил:

– Хорошо, полковник Джонсон. Я вам обещаю, что пока, я подчеркиваю – **пока**, мы воздержимся от передачи в КОНОКОМ информации об артефактах. Такой вариант вас устроит?

Полковник задумался, но всего на пару секунд:

– Идет, по рукам! Мы с вами начнем, а там видно будет.

– Что мы начнем, полковник?

– Значит так, друзья мои. Глядя на ваши лица, я делаю однозначный вывод о том, что вы сегодня не ужинали. Поэтому приглашаю разделить со мной вечернюю трапезу. К тому же в такую штормовую погоду ни один флаер не повезет вас никуда.

Детективы неуверенно переглянулись. Джонсон принял это за согласие.

– Вот и прекрасно! Прошу в столовую, холодные закуски уже ждут нас!

По дороге в столовую Сноу с некоторой тревогой ощутил, как всё сильнее содрогается дом полковника под ударами разбушевавшейся стихии. Шторм разгулялся не на шутку, и Ричард не выдержал и поинтересовался у Джонсона, часто ли здесь случаются такие непогоды?

– Да, вы правы, море сегодня сильно разбушевалось, – ответил полковник, размеренно переставляя трость и медленно ковыляя по коридору. – Но нам нечего беспокоиться – автоматика знает свое дело. При шторме в девять баллов в двухстах метрах от берега со дна автоматически поднимаются специальные волнорезы и гасят штормовой напор. Без этих мер безопасности весь прибрежный район уже давно бы смыло в море.

Глава 6

– Ну-с, господа детективы, – отодвигая пустую десертную тарелку, произнес Джонсон, – а теперь давайте обменяемся мнениями по поводу нашего дела.

От Сноу не укрылась самоуверенность, проскользнувшая в тоне хозяина дома, и он ответил:

– Полковник Джонсон, можно еще раз взглянуть на Параллелепипед?

– Пожалуйста.

Ричард повторно внимательно осмотрел фантастический брусок и заметил по центру широкой плоскости небольшое углубление.

– А что ваши эксперты говорят об этом углублении?

Джонсон только пожал плечами.

– Айво, посмотри-ка ты.

Сноу аккуратно бросил Параллелепипед через стол. Швед легко поймал медленно летящий брусок и поднес его к глазам:

– Ричи, это паз, и, знаешь...

С этими словами Блумберг достал из кармана Хрустальный шар, секунду подержал в руке, а потом решительно положил на брусок. В следующий момент шар стал видимым на несколько мгновений – по его поверхности пробежали красные и розовые всполохи. Сам же он плотно встал в паз, сделанный как будто для него.

– Что вы сделали? – воскликнул полковник, удивленно привстав со стула, забыв про трость.

– Ничего, – ответил Айво, не отрывая глаз от светящегося шара. – Просто положил его в выемку.

– А свойства Параллелепипеда как-нибудь изменились? – волновался Джонсон. – Смотрите, смотрите!

Айво разжал пальцы. Брусок вместе с прилипшим к нему шаром повис в воздухе и стал медленно исчезать из зрительного диапазона. Полковник неуклюже, с трудом опираясь на трость, поднялся:

– Держите его, он исчезает!

– Нет, полковник, они оба здесь, просто стали невидимы, – трогая воздух перед собой, ответил Айво.

– Если они висят в воздухе, то шар стал невесом, как и брусок! – заметил Сноу. – А весил граммов двести пятьдесят!

– Точно! – откликнулся Айво. – А брусок стал невидим. Они переняли свойства друг у друга! Ничего себе, эксперимент!

Он протянул руки, и с явным усилием разъединил артефакты, между которыми с треском пробежала голубая искра. Параллелепипед стал снова видим, а шар обрел вес. Взяв салфетку, швед обернул ею шар – теперь артефакт, по крайней мере, был виден и не мог потеряться – и собрался положить его обратно в визитку.

– Господин Блумберг, подождите, – полковник, в свою очередь, положил невесомый брусок в специальный мешочек и затянул на горловине тесемки. – Подумайте, может быть лучше будет, если вы передадите шар Добровольского мне на хранение. Два артефакта будут вместе, попыток украсть мой Параллелепипед пока не наблюдалось, сейф у меня надежный.

– Мы вернемся к этому вопросу чуть позже, если позволите. А сейчас нам бы всё-таки хотелось услышать от вас некоторые комментарии к вашим мемуарам. Мы сами себя прервали интересными экспериментами с артефактами и совсем забыли о цели нашего посещения.

– Формулируйте вопрос.

Джонсон подозвал робота, который принес ему небольшой ящичек. Открыв его, он положил Параллелепипед внутрь и запер сейф прикосновением пальца. После этого он поставил ящичек рядом с собой на стол и поудобнее устроился на стуле.

– Полковник, у вас в книге встречается упоминание о некоей библиотеке. Я понял так, что вы называете так какой-то склад, собрание вещей, хранилище... Поясните, пожалуйста.

Полковник хмыкнул, тряхнул головой и с некоторым пафосом заговорил:

– Цитирую свою же книгу по памяти: «...и когда сталкиваешься с таким удивительным многообразием проявлений природы – а под этим мы подразумеваем и разумное начало, – почему бы не пофантазировать и не предположить, например, что где-то существует своеобразная библиотека, архив, где собраны все тома сочинений великого и могущественного творца. А под Творцом можно понимать и сверхъестественное существо, и программу, и цепочку удивительных совпадений, и просто непостижимый нашему пониманию ход вещей, раз и навсегда заведенный в бесконечном прошлом, то есть вечность назад». Насколько я помню книгу, а помню я её почти наизусть, больше слово «библиотека» в ней не встречается. И что вы хотите, чтобы я вам пояснил?

– Полковник Джонсон, то, что вы написали и сейчас процитировали – это ваши предположения, фигура речи, или за этими строчками стоит нечто реальное? Может быть, какое-то знание, которым вы обладаете, или в своих странствиях по Вселенной вы уловили какой-то намёк...

У Айво закончились слова, и он замолчал, нервно взглянув на Сноу. Джонсон усмехнулся:

– Понятно. Видите ли, астронавты – народ очень суеверный. Это пошло еще от моряков: традиции, приметы, легенды... И все это понятно и объяснимо. Могучий, почти бесконечный океан и, слабый, боязливый, но дерзкий человек, покоряющий его ценою многих жертв. Отсюда «Летучий голландец», «водоворот Мальстрема»¹⁸, «Кракен»¹⁹, «Бермудский треугольник» и многие-многие другие морские легенды, имеющие под собой, как правило, реальную основу. Вот и у нас, астронавтов дальнего внеземелья, есть свои современные мифы, рожденные точно такими же причинами, как и морские много веков назад. Однако вы правы, обратив внимание именно на этот пассаж в моей книге. Он не случаен и рассчитан на специальную и очень узкую аудиторию исследователей дальнего космоса, к коим я и принадлежу.

– С Добровольским мы вместе были в двух экспедициях – на Капеллу в 2264-66 годах и на Вегу в 2268-71, – продолжил полковник. – Именно во время полета в сектор альфы Лиры я и нашел Параллелепипед. Вернее, не нашел, а... ладно, всё по порядку. Вот смотрите – удивительная планета Желтый глаз.

В центре столовой падающими снежинками засветилась консоль панорамного голографизора. Сноу и Блумберг во все глаза смотрели на проступившее изображение. Планета имела сероватый цвет поверхности, кое-где прикрытой белыми облаками. В районе экватора виднелось большое желтоватое пятно округлой формы.

– Планета земной группы, вращается вокруг красного карлика, который мы называли Арлекином, воздух пригоден для дыхания, хотя и бедноват кислородом. Главные особенности: планета стабилизирована на своей орбите, то есть всегда повернута к Арлекину одной стороной. Из-за этого на той стороне, которая обращена к солнцу, стоит невыносимая жара, а на ночной – свирепствуют морозы в минус сто десять по Фаренгейту²⁰. Вся дневная половина представляет собой каменистую пустыню с горными грядками и редкой растительностью, за

---

¹⁸ Водоворот у побережья Норвегии. Средневековые и более поздние источники описывают Мальстрём как ужасающее по своей мощи явление, фатальное для любого попавшего в него корабля.

¹⁹ Мифическое морское чудовище, гигантский моллюск, известное по описаниям исландских моряков.

²⁰ Минус 80 по Цельсию.

исключением центральной зоны – сухой и горячей песчаной пустыни. Пустыня занимает площадь, равную примерно австралийскому континенту. Если по краям пустыни можно встретить небольшие реки, кустарники и мелких животных, то ее сердце – это бесконечные янтарные пески, почти всегда безоблачное небо, несусветная жара и миражи. Миражи там, надо сказать, замечательные. Однажды я увидел флайт с нашего корабля и работающих вокруг него членов экипажа, которые на самом деле находились от меня в пятистах километрах. Причем видимость была такая, что я в первые секунды и не понял даже, что это мираж. Мы высадились в вечерней умеренной зоне, там, где температура приемлема для проживания и построили станцию «Гелиос-25». На этом месте, если я не ошибаюсь, теперь построили временный космодром с необычным названием Мачта. Этот временный космодром стал, как водится, основным на планете. Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. После этого началась рутинная работа по изучению планеты и всей системы Арлекина. Основной корабль – субпространственник «Ливингстон» – большую часть времени находился на орбите Желтого глаза, но несколько раз мы совершали короткие вояжи к ближайшим планетам и однажды к соседней звезде FG-3485 – умирающему коричневому карлику. Ни один из объектов, которые мы посетили, не представлял никакого практического интереса с любой точки зрения, поэтому наши исследования сконцентрировались на изучении Желтого глаза как планеты, на которой имелись некоторые условия для основания колонии. Замечу, тем не менее, что научный совет экспедиции так и не вынес своего окончательного вердикта о целесообразности заселения Желтого глаза колонистами. Мы в своем отчете предложили лишь построить на планете крупную научную станцию. Как вам должно быть известно, вопрос колонизации планеты до сих пор окончательно не решен, но вот строительство научно-исследовательского комплекса одобрили, и теперь там постоянно работают несколько тысяч землян. Я не буду вас утомлять подробным рассказом о том, чем мы там занимались в течение нескольких месяцев. Для вас... – Джонсон кашлянул и поправился: – Для нас интерес представляет следующее. Когда до отлета на Землю оставалось всего пара-тройка дней, несколько планетологов попали под горный обвал в пустыне. Горы там хоть и невысокие, но все же горы. К сожалению, два человека погибли. Я помню, как примчался спасательный флайт, как из него спешно выносили тела, надеясь реанимировать в медблоке корабля, но все втуне. Наши товарищи погибли. По древней традиции мы похоронили их на планете, а через несколько дней «Ливингстон» стартовал в сторону Земли.

– А разве травму вы получили не во время... – начал вопрос Сноу.

– Нет, майор. Покалечило меня уже в Солнечной системе, когда мы вынырнули из подпространства и на планетарной скорости, при торможении, «Ливингстон» умудрился словить небольшой обломок астероида и капитально разворотил себе правый борт. Но сейчас не об этом. Во время возвращения, в поисках какого-то прибора, я зашел в ангар, где стояли полуразобранные флайты, и увидел в углу вещи, накрытые пленкой. Из любопытства подошел, приподнял пластик и увидел сваленные в кучу рюкзаки экипажа флайта, с которым приключилась беда. Помятые ранцы и порванные многофункциональные пояса, раздавленные геоконтейнеры для образцов, разбитые кислородные аппараты лежали тут с того самого дня, как приключилась трагедия. Собрался было уйти, но что-то меня остановило, я присел и стал перебирать вещи. В руки попался один из ранцев. Совершенно машинально я расстегнул его и вдруг оттуда медленно выпало что-то завернутое в материю. Подняв сверток, собирался его засунуть обратно, но озадачило отсутствие веса предмета. Как вы уже догадались, развернув материю, я обнаружил Параллелепипед. Долго я размышлял над тем, сообщать об этой находке или нет. В конце концов, пришел к выводу, что, если предам огласке находку такого артефакта, то на Земле создадут комиссию КОНОКОМа «ad-hoc», все засекретят к чертовой матери, и мир никогда не узнает о Параллелепипеде.

– Полковник, мир до сих пор ничего не знает об этом артефакте, – уточнил Сноу. – Без всяких интриг КОНОКОМа.

– Это стечение обстоятельств, не более того, – поднял руку Джонсон. – Я просто еще не успел этого сделать. Сначала хотелось изучить феномен самому. К тому же эта дурацкая авария, несколько месяцев по госпиталям... До сих пор вот маюсь. Но вы меня перебили. Потом я вернулся еще раз в тот отсек к вещам и перерыл их, но больше ничего интересного не нашел. Теперь, после того, что вы мне тут продемонстрировали, думаю, что Добровольский, который был в той экспедиции вторым пилотом, тоже копался в снаряжении и нашел Хрустальный шар. Я потратил много времени, выясняя точный маршрут флайта с планетологами в тот злополучный день. У меня в компьютере есть подробная карта Желтого глаза и схема полета флайта со всеми местами приземлений. Но пока, как вы видите, мне невозможно туда лететь самому – никакая комиссия не пропустит не то что членом экипажа, но и просто пассажиром.

Джонсон замолчал.

– А библиотека, полковник? – напомнил Блумберг, с тревогой прислушиваясь к грохоту волн.

– Ах, да, библиотека... – повторил Джонсон. – Имея много друзей в корпусе Космофлота, я неоднократно выводил разговоры на тематику возможных находок разных диковинных предметов. Реакция некоторых моих коллег дает мне основание предполагать, что Параллелепипед и Хрустальный шар не единственные артефакты, привезенные на Землю членами дальних экспедиций.

– Подождите, полковник. Вы хотите сказать, что многие астронавты нашли артефакты, и никто из них не обмолвился об этом ни словом? То есть они утаили такие уникальные находки? Как это может быть? Ну, ладно – вы. Это единичный случай, но чтобы все?!

– Это вы подождите, майор. Во-первых: доподлинно мы с вами знаем лишь о двух артефактах. И оба, заметьте – оба – утаены. Один мною, второй Добровольским. Во-вторых: существование других артефактов гипотетично – это только догадки. Хотя сегодня мои умозаключения получили великолепное подтверждение в виде Хрустального шара. У вас есть что возразить? – полковник победно оглядел притихших конокомовцев. – Вы же сами знаете, что астронавты Космофлота... как бы это помягче сказать... с некоторой настороженностью относятся к КОНОКОМУ и её деятельности. Вот и помалкивают о своих находках.

Сноу с силой выдохнул:

– Полковник, я надеюсь, вы осознаете, что вам придется в конце концов отдать артефакт в распоряжение КОНОКОМа...

– Да ладно вам, майор, мы же договорились работать вместе, или нет? Потом сдам.

Ричарду нечего было возразить, и он промолчал. Джонсон, справедливо восприняв молчание как согласие, продолжил:

– Отсюда мы с вами можем сделать два вывода. Первый: мой артефакт не уникален, появился второй – значит таких предметов, скорее всего, много.

– Почему много? Их, может быть, всего два и есть, – пожал плечами Айво.

– И оба находятся на Земле? То есть все артефакты Вселенной собраны у нас, и мы являемся монополистами? Так, что ли? – Айво молчал, и полковник продолжил: – Второй вывод: все они между собой как-то взаимодействуют...

– Почему все? Какие все? – снова не согласился Блумберг. – Ну да – Шар и Параллелепипед подошли друг другу, но... – В поисках поддержки Айво посмотрел на Сноу, но тот сидел, подперев голову руками и, задумавшись, смотрел куда-то в сторону. – Вы хотите сказать, что есть основания считать, что все артефакты – два, три, четыре – неважно, сколько их, могут составлять единое целое?

– Конечно! – Джонсон с энтузиазмом открыл сейфовый ящик, достал оттуда Параллелепипед и вынул его из мешочка. – Вот, смотрите, кроме крошечной выемки, которая, как выяснилось, предназначается для шара Добровольского, на бруске есть еще несколько мелких

насечек и выемок, которые могут оказаться элементами крепежной системы для других артефактов!

Айво машинально взял артефакт, который протянул ему полковник и стал его внимательно разглядывать. В следующую секунду шторм, бушевавший снаружи, достиг своего крещендо. С оглушительным грохотом стена из бетонопластика разлетелась на куски от много-тонного удара гигантской волны. Ворвавшийся поток воды мгновенно затопил столовую и пронесся дальше со скоростью курьерского поезда. Сокрушая всё на своем пути, пенящаяся мутная вода подхватила беспомощных людей и повлекла их дальше вместе с обломками дома. Несколько раз мигнул и померк свет, рассыпавшись напоследок снопом ярчайших искр.

Глава 7

Ричарда швырнуло на берег, немного проволокло по песку и мелкой гальке и отпустило. С трудом шевеля руками и ногами, он постарался отползти как можно дальше, чтобы следующая волна не утащила его обратно в море. Но, к счастью, все последующие огромные валы, опрокидываясь на побережье, не обладали той же силой, что волна, разбившая дом Джонсона. Сноу с трудом перевернулся на спину и понял, что он весь опутан водорослями, которые оборвал у дна и выкинул на берег шторм. Темнота и ветер лишь осложняли процедуру сдирания зеленых мокрых стеблей. Наконец, он смог встать и оглядеться. Рядом с ним все было погружено во тьму, лишь чуть в отдалении горели фонари на набережной Зандворта, да два-три уцелевших садовых светильника на территории, где находился разрушенный теперь дом полковника.

Сноу сунул руку в карман и с облегчением вздохнул: коммуникатор не выпал! Он быстро нашел нужное меню и включил поиск маяка Блумберга. Зеленый огонек почти сразу замигал на экране. Присмотревшись, Сноу сориентировался и двинулся вправо – туда, куда указывал вектор направления.

– А-а-айво-о-о! – позвал он, сложив руки рупором и стараясь перекрыть грохот волн и вой ветра.

Штормовой порыв сорвал крик с губ и унес в темноту. Со стороны дороги, отстоящей от берега на сотню метров, ударил яркий луч света – подтягивались спасатели. Рядом с ним, в метре над поверхностью промелькнуло что-то большое и тут же растворилось в ночи.

– А-а-а!... – донесся из темноты чей-то крик.

Ричард, увязая в песке и постоянно падая, побежал на голос. Дорогу себе он освещал включенным коммуникатором. Очередная волна, видимо девятый вал, достала его и, свалив с ног, потащила в море. Ричард растопырился как краб, пытаясь хоть как-то задержать сползание в бушующую пену прибоя. Это ему с грехом пополам удалось, он затормозил скольжение и на четвереньках отполз подальше. Встав, он снова крикнул, и до него донесся ответ: Блумберг был где-то совсем рядом. В темноте вспыхнул неяркий огонек, и Сноу понял, что это светится МИППС Блумберга.

– Айво?

– Здесь я! – донеслось сквозь грохот штормового прибоя.

Сноу пошел на свет и через несколько метров споткнулся о распростертое на песке тело. Рядом сидел человек со светящимся коммуникатором в руках.

– Айво! Живой?

Ричард потряс шведа.

– Да живой я, живой. Вот полковник намного хуже. Кажется, он утонул... захлебнулся.

Сноу вновь посмотрел на распростертое тело и внезапно схватил его поперек, поднял и, перевернув вверх ногами, стал сильно встряхивать. Из носа и рта полковника толчками полилась вода.

– Ну же, полковник! Давай оживай, оживай, черт тебя возьми!

Джонсон натужно закашлялся. Айво вскочил на ноги и забегал вокруг. Сноу продолжал встряхивать полуживого полковника. Тот хрипел и булькал.

– Всё, Ричи, всё, хватит! Клади его! – прокричал Айво.

Их осветили два мощных фонаря.

– Вы пострадали? Требуется помощь? – это подоспели спасатели.

– Вот, сначала ему.

Ричард осторожно опустил Джонсона на песок. Полковнику в рот тут же сунули кислородную трубку и стали производить различные манипуляции.

Через десять минут Сноу и Блумберг отогревались в большом реанимационном флайте, а над полковником продолжали колдовать медики.

– ...произошел сбой в программе, и волнорезы поднялись со дна с большим опозданием – несколько очень крупных волн достали с десятков прибрежных домов и смыли в море. До сих пор нашли не всех пропавших, – сказал им один из спасателей.

Негромкие разговоры врачей за ширмой прекратились. Ричард и Айво тревожно переглянулись.

– Доктор, как там он? – негромко спросил Сноу.

– Жить будет, – выходя из-за занавески, ответил врач. – Но у него очень сильное сотрясение мозга, и мы ввели его в состояние искусственной комы. Прогнозы можно будет делать только после детального обследования в госпитале. Пока всё.

– Спасибо, доктор.

Сноу скинул теплосберегающий плед, которым его укрыли санитары, и повернулся спиной к решетке вентилятора, откуда дул горячий воздух. Насквозь промокшая одежда никак не хотела высыхать, а переодеваться в казенные обогревающие костюмы не хотелось. Детективы переглянулись.

– Айво, а где Шар? – вкрадчиво спросил Ричард.

Блумберг молча выпростал руку из-под накидки и показал завернутый в обрывки мокрой салфетки Шар.

– Молодец! – искренне похвалил его Сноу. – Жаль, вот только Параллелепипед полковника теперь не найти, наверное.

Швед снова полез в карман и так же молча достал влажный прямоугольник. Сноу уставился на артефакт, а потом перевел восхищенный взгляд на Блумберга:

– Айво, у меня просто нет слов! Ты молодец! Сохранить и Шар, и Параллелепипед, да еще и полковника вытащить из воды!.. Знаешь, я потом всё это в рапорте отражу, предложу поощрить.

– Вот это было бы неплохо, – несколько оживился Блумберг. – Особенно если зарплату повысят! А то всё только обещают... А полковника ты откачал, не приbedняйся. У меня бы он так и помер на пляже. К тому же не я его вытащил, а нас обоих просто выбросило на берег, а кто за кого держался – это еще посмотреть надо. Он, кстати, боец – пытался плыть и даже меня толкал до последнего. Хоть и еле ходит...

– Так ведь он дальний внеземельщик. Других там обычно не держат, – ответил Ричард. – У них ноги, руки отруби, они зубами за жизнь цепляться будут. И взаимовыручка у них на уровне подсознания работает. Железные ребята, что и говорить.

Помолчали. Айво последовал примеру напарника, снял с плеч накидку, бросил ее на скамью и посмотрел на Сноу:

– Ну, что, высох, спецгент?

Сноу привстал и стал ощупывать куртку и брюки.

– Сыровато... Давай минут десять еще посидим. Ты мне вот что скажи, наука: что означает совместимость двух наших артефактов?

– Это значит, что они являются составной частью единого целого, – ответил швед. – Но это так – предположение, не больше.

– А это целое состоит всего из двух частей?

– Ричи, полковник, как ты помнишь, тоже задавался этой мыслью. Он считает, что частей больше, чем две.

– Помню, но он практически ничем не может это подтвердить. Говорил лишь о том, что другие астронавты, якобы в разговорах с ним, делали какие-то туманные намеки...

– Вот именно, Ричи – туманные намеки. А если все эти намеки лишь разыгравшаяся буйная фантазия нашего космопроходца Джонсона? Что тогда? Ты, наверное, уже спишь и

видишь, как мы летим на планету Желтый глаз, находим там еще кучу артефактов и с триумфом возвращаемся...

– Айво, умерь свой пыл. Что это тебя разбирает, перенервничал?

Блумберг помолчал, потом произнес:

– Извини... Но больно гладко всё получается. Нашли Шар, потом сразу наткнулись на Параллелепипед, следы ведут на Желтый глаз...

– Ничего не гладко, Айво, окстись! Посмотри на дело с другой стороны. В квартире Добровольского явно кто-то побывал и сломал карниз, в подъезде на Пасси нас поджидали и отобрали мемори-кристалл, здесь нас смыло волной...

– Ты считаешь, что и это подстроено? – усомнился Блумберг.

– Очень вероятно. Просто не рассчитали чуть-чуть. Наверное, думали нас выгнать из дома, а получилось вот как... Кстати, пока я тебя искал на берегу, мимо меня пронеслось что-то очень напоминающее байкфлаер.

– В такой шторм? Сомнительно.

– Знаю. Тем не менее что-то пролетело, я видел. И это не были спасатели.

– Почему?

– Они бы зажгли прожектор. А этот... это пролетело в полной темноте.

Айво встал, одернул мятую влажную куртку и скептически осмотрел себя:

– На прием к королю Нидерландов в таком виде, конечно, не пойдешь, а полиция, будем надеяться, отнесется к нашему внешнему виду снисходительно. Идем?

Детективы попрощались с медиками и вышли на тускло освещенную аллею. Ветер по-прежнему задувал с севера и неистово раскачивал верхушки деревьев. Под ногами хрустели и мешали идти обломанные ветви, содранная кора и вывернутый мокрый дерн, противно налипавший на ботинки. При такой погоде нечего было и думать лететь на флаере. Автопилот вряд ли сочтет погоду легкой, а если и решится подняться в воздух, то риск попасть в катастрофу очень велик, несмотря на все системы безопасности. И тут Сноу вспомнил: Мономагт, заброшенное, но по-прежнему действующее чудо конца XXI века!

Мономагт, или, иначе – система ММГ, это доведенное до совершенства и распространенное на всю планету метро. Составы способны разгоняться до 800 километров в час и даже более. Для достижения таких скоростей в замкнутом пространстве туннелей разработали специальную систему, создающую частичный вакуум, чтобы уменьшить до предела сопротивление воздуха. Разреженная до уровня 25–30 километров над уровнем моря атмосфера внутри трубы позволяла вагонам магнорельса достигать и скоростей, превышающих тысячекилметровый барьер. На трансатлантических, тихоокеанских, североморских и других протяженных трассах такие скорости являлись почти нормой. Туннели для мономагтов прокладывали практически всегда по прямой, избегая поворотов, а уж если это было невозможно, то они проектировались с минимальным изгибом и соответствующей угловой параболической, для прохождения на полной скорости. Однако с бурным развитием индивидуального и доступного флаертранспорта, ни автомобили, ни Мономагт не смогли выдержать конкуренции. Первые были в подавляющем большинстве сданы на переработку, за исключением суперкаров и коллекционных машин, а системой ММГ просто постепенно перестали пользоваться и забыли. Но, как это ни странно, ни у кого не поднялась рука отключить суперкомпьютер «Фарадей», обслуживающий всю мировую сеть Мономагта и не допустивший ни одного серьезного сбоя или аварии за все время эксплуатации системы. И все же, нет-нет частенько какая-нибудь артерия системы оживала и разгоняла до бешеной скорости когда любителей острых ощущений, когда группы школьников, изучающих историю науки и техники, когда студентов транспортных вузов, а когда таких как Сноу и Блумберг, которым необходимо срочно переместиться, а погода не позволяет... Однако на 95 процентов система ММГ бездействовала, хотя и была готова в любой

момент заработать с полной нагрузкой – все необходимые технические работы проводились в срок и в полном соответствии с регламентом.

Сноу нашел на коммуникаторе соответствующую ссылку. Так и есть – вход на станцию «Зандворт» совсем рядом. Он оторвал взгляд от экрана и огляделся, пытаясь сориентироваться. Мимо пронесся, кувыркаясь, кусок рекламного щита, чуть не задев Блумберга.

– Давай, Айво, нам сюда, скорее!

Конокомовцы подбежали к цилиндрическому строению, возвышавшемуся над землей метра на четыре. Перед ними мягко раздвинулись пневматические двери и впустили в темное нутро вместе с ворохом листьев и веток, которые сразу закружились по небольшому залу. Двери за спиной закрылись, и стало непривычно тихо. Весь мусор постепенно осел и засыпал пол. Медленно разгорелись неяркие лампы. Что-то щелкнуло, и на каменный пол выполз дроид-уборщик. Сноу подошел к возвышавшейся точно посередине металлической колонне, и часть её тут же засветилась зеленым. В полу медленно раскрылось округлое отверстие. Вниз их приглашала пришедшая в движение подвижная лента эскалатора.

Сноу и Блумберг решительно ступили на неё и стали погружаться в недра гигантской системы ММГ. Путь занял не больше трех минут, и мокрые детективы оказались на платформе подземной станции. Из туннеля медленно выплыл вагон Мономагта и, слегка покачиваясь на магнитах, замер напротив. Он имел форму фюзеляжа самолета, только без крыльев, хотя в хвосте виднелось что-то отдаленно напоминающее киль. С шипением раздвинулись двери, в вагоне зажегся мягкий приятный свет.

– Поехали? – обернулся на шведа Сноу.

Тот пожал плечами:

– Куда, Ричи, в Брюссель, в КОНОКОМ?

Англичанин, уже вошедший в вагон, остановился. Он и на самом деле толком не знал, куда им надо ехать? Сев в удобное, почти анатомическое кресло, Ричард задумался.

– Мономагт «Рембрандт» Западного отделения европейских монорельсовых дорог системы ММГ «Фарадей» приветствует вас на своем борту! – глухо прозвучал из динамиков лишенный выражения голос. – Прошу определиться с маршрутом и с оплатой поездки.

– Подожди, – Сноу глянул на засветившийся в передней части вагона экран, – дай подумать пять минут. Ведь спешки нет?

– Жду указаний, – равнодушно ответил голос.

– Вот и хорошо. Айво, ты знаешь, мне пришла в голову одна неплохая мысль! А что, если нам стонять к кому-нибудь из экипажа той экспедиции?

Блумберг взглянул на светящийся лимб биоадаптивного сектора и вздохнул:

– Ричи, третий час ночи. Почему гениальные мысли посещают тебя в ночное время суток?

– Потому что я сова, – усмехнулся Сноу. – Но ты прав. Отложим визиты до утра, а пока посмотрим, где проживают члены экспедиции, – Агент вывел на экран список членов экипажа и стал его внимательно просматривать. – Как считаешь, Айво, с кем нам стоит встретиться в первую очередь?

– С руководителем научной части, с кем же еще? – последовал немедленный ответ.

Айво зачем-то попробовал на мягкость сиденье кресла и с удовольствием погрузился в удобную, обтянутую темно-бежевой тканью, раковину. Открыв подлокотник, под которым обнаружился небольшой пульт, он включил обогрев и вентиляцию. Буквально через минуту он ощутил проникающее сквозь вялую одежду тепло и умиротворенно вытянул длинные ноги в мягких брюках и сырых грязных полуботинках. Сноу тем временем нашел необходимый файл:

– Вот нужный нам человек: Нейл Парсонс, геофизик, профессор... Черт, он сейчас улетел в очередную экспедицию!

– Тогда смотри, кто у него был заместителем, – подсказал Айво.

Ричард поработал виртуальными клавишами:

– Эмилио Сарразен, космопсихолог, живет в... во Франции, городишко Ле Карро Дарраш. Что-то знакомое, мне кажется. Где же это?

– В Альпах, где! – ответил Блумберг. – Стыдно, Ричи. Катаешься на горных лыжах и не знаешь горнолыжные курорты Альп.

– Если я раз в год выбираюсь на недельку покататься на горных лыжах в Швейцарии, это не значит, что я знаю все курорты в Европе! – с укоризной сказал Сноу и обратился к компьютеру Мономагга. – Так, «Рембрандт», нам бы в Ле Карро Дарраш. Есть там станция?

– Станция «Маглан» в двух километрах от городка Ле Карро Дарраш, – равнодушно вибрировал голос.

– Отлично! – обрадовался Сноу. – А оттуда мы уж как-нибудь доберемся. Теперь посмотрим личную позицию Сарразена... Так, историк-археолог, доктор наук... Айво, он, похоже, дома: зеленая метка стоит!

– Хорошо, – отозвался Айво. – Поехали. Только не надо ему звонить сейчас...

– Так, «Рембрандт», двигаем до станции «Маглан» и, кстати, закажи нам гостиницу. Мы там переночуем...

– Переночуем... – проворчал Блумберг. – Два часа поспим в лучшем случае.

– Маршрут Зандворт – Амстердам – Эйндховен – Маастрихт – Люксембург – Нанси – Безансон – Женева – Маглан. Экспресс без остановок. Расстояние 990 километров, расчетное время в пути один час десять минут. Заказано два номера в гостинице «Ле Фуайе»²¹. Оплата... – забубнил голос.

– Оплата через КОНОКОМ, – англичанин снова дал просканировать свою карточку ИПЕК.

– Спасибо, оплата принята. Отправление – немедленно. Просьба при разгоне и торможении пристегивать привязные ремни, о чем вас также предупредит звуковой сигнал и надпись на информационном табло. Спасибо.

Двери закрылись, и вагон, поплавав качнувшись на гравикомпенсаторах, тронулся. Тускло освещенный перрон со светящейся надписью на стене «Зандворт» быстро уплыл в темноту. На передней панели вагона появилась карта маршрута и некоторые данные – расстояние, время, географические координаты. В углу экрана стала быстро меняться индикация скорости Мономагга: 40, 70, 130, 190, 270, 420 километров в час. Побежали цифры пройденного расстояния. Рядом ярко мигала надпись «Пристегните ремни!», хотя ускорение совершенно не чувствовались. Лишь едва слышный свист разреженного воздуха за бортом говорил о головокружительной скорости, с которой Мономагг мчался по подземному туннелю. В конце концов цифры замерли на отметке в 790 километров в час, и предупреждающая надпись погасла.

Сноу посмотрел на Блумберга: тот безмятежно спал, укрывшись пледом с логотипом «Рембрандт». Тогда Ричард, следуя примеру напарника, включил обогрев сиденья и тоже закрыл глаза: надо немного отдохнуть – день и вечер сегодня выдались непростыми. Известно, что их ждет завтра. Через несколько минут он спал настроженным тревожным сном, готовый в любую секунду проснуться.

Вагон сверхскоростного поезда с монотонным тонким свистом рассекал разреженный подземный воздух, а наверху над всей Северной Европой продолжала свирепствовать ноябрьская непогода, обрушивая на города косые струи проливных дождей, обволакивая их густыми, как клейстер, туманами и обдувая холодными пронизывающими ветрами.

---

²¹ «Le foyer» (фр.) – очаг.

Глава 8

Санитар, сопровождавший медицинскую гравикаталку, на которой лежал полковник Джонсон, зашел вслед за дроидами в палату и внимательно проследил за всеми действиями роботов. Дежурная бригада травматологов больше двух часов обследовала Джонсона в центральной клинике Гааги. Результаты оказались обнадеживающими: ничего, что серьезно угрожало бы жизни полковника, обнаружено не было. Тем не менее, учитывая сотрясение мозга и перенесенный шок, врачи приняли решение продержат пациента в искусственной коме как минимум сутки и лишь затем привести в чувство. Поэтому все приборы, к которым был сейчас подключен полковник, сигнализировали спокойное состояние организма. Санитар притушил свет и вышел. Бесшумно закрылись двери, и Джонсон остался в комнате один. Лишь едва слышное пощелкивание приборов нарушало ночную тишину клиники, да изредка из коридора доносились приглушенные голоса и шаги полусонного персонала.

Мимо клюнувшей носом заснувшей медсестры тихо проскользнула темная фигура. Замерев на секунду у стены и убедившись, что санитарка мирно посапывает, человек снял висевший на крючке белый халат. Перегнувшись через стойку, он посмотрел на экран компьютера и, несколько раз тронув клавиши, нашел нужный файл. Увидев то, что хотел, незнакомец отошел вглубь коридора, накинул на плечи халат и выскользнул на лестничную клетку. Быстро поднявшись на восьмой этаж, осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Ночной коридор тускло сверкал салатовыми стенами и стеклянными проемами дверей и окон. Ватная тишина обволокла пространство вокруг и, казалось, поглотила все звуки, которые только могли возникнуть в этом царстве покоя и сна.

Фигура в халате неслышно прошелестела по коридору, миновав пустующий пост медсестры, и замерла у одной из дверей. Убедившись, что в палате тихо, человек приоткрыл дверь и вошел.

В центре комнаты на сложной конструкции из металла и пластика возлежал полковник Джонсон, оплетенный проводами, датчиками и присосками. Поверх бирюзовой простыни лежали сильные жилистые руки, теперь неестественно белые и безвольные. Вокруг реанимационного ложа возвышались стенды с самыми разнообразными аппаратами. Раздавались едва слышные звуки, характерные для работы электронных приборов, чуть шипел кислород в трубках, засунутых в нос полковника. Незнакомец подошел к лежащему и наклонился, вглядываясь в слегка заострившееся спокойное лицо. Потом шагнул к стене и бесшумно раскрыл небольшой бельевой шкаф. Одежды больного здесь, конечно, не оказалось – она уже отправилась в чистку. А вот кое-какие личные вещи лежали: МИППС полковника, позитронные часы «Сейко» серии «Вакуум», электронная личная карточка ИПЕК, магнитный палладиевый браслет. На других полках, кроме комплектов больничной одежды и свежих простыней, ничего другого не просматривалось. В самом низу – два теплых одеяла. Незнакомец аккуратно, но быстро проверил весь шкаф. Не найдя того, что искал, он закрыл его и снова подошел к полковнику. Секунду поколебавшись, он, осторожно приподнимая тело, обыскал кровать, но напрасно. Постояв несколько секунд неподвижно, человек резко развернулся и вышел.

* * *

– Через пять минут поезд прибывает на станцию «Маглан». Просьба при торможении пристегнуть ремни, – прозвучал невыразительный механический голос. И после некоторой паузы, давая, видимо, время пассажирам проснуться: – Температура воздуха плюс семь, облачно, идет дождь, ветер северо-восточный, пять метров в секунду.

Сноу открыл глаза. Приглушенный свет в кабине стал немного ярче, но не мешал четко видеть изображение на центральном экране. Там появилась картинка темной улицы, освещенной редкими фонарями. По всему экрану колыхалась бахрома дождя, раздуваемая сильными порывами ветра. Ричарда ощутимо вдавило в ремни: Мономагт «Рембрандт» акцентированно, но плавно тормозил. С Блумберга сполз и упал на пол теплый плед. Айво приоткрыл глаза и пошевелился:

– Что – уже приехали?

Словно подтверждая его слова, торможение ослабло, и вагон медленно выплыл из тоннеля на перрон. Вдоль стены светилась синим надпись «Маглан», и чуть ниже: «Добро пожаловать в Солнечные врата!»²² Вагон, словно на морской волне, качнулся пару раз и замер. Над дверьми мигали цифры, указывающие на атмосферное давление снаружи. Когда загорелась цифра «1», медленно раздвинулись прозрачные двери, и людям в лицо пахнуло влажным прохладным воздухом подземелья.

– Благодарим за то, что воспользовались системой ММГ «Фарадей»! – донеслось из динамика. – Ждем вас в следующий раз. До новых встреч.

Сноу и Блумберг отстегнули ремни, встали и вышли на безлюдный перрон. Туннель с обоих концов станции уже герметично закрылся, и из широких воздуховодов на станцию врывался воздух, повышая атмосферное давление. Некоторое запустение, несмотря на то, что дроиды-уборщики здесь явно иногда работали, все-таки ощущалось. Любое сооружение, когда его перестают посещать люди, теряет что-то неуловимое, какую-то неосознаваемую частичку своей сущности, душу, что ли.

Каплевидный вагон за их спиной закрыл створки дверей и притушил свет в салоне. Теперь он будет стоять здесь, дожидаясь пассажиров, которые, возможно, появятся лишь через несколько дней, а то и недель.

С перрона вели два небольших коридора, над правым горела зеленая надпись «выход».

Через пару минут они стояли на ночной улице и старались определить, где расположен отель «Ле Фуайе». Несмотря на то что они находились под широким козырьком у входа на станцию ММГ, косые струи дождя, подгоняемые рваным ветром, нет-нет да и доставали до них своими холодными мокрыми щупальцами.

– Ты как хочешь, а я пешком по такой мерзостной погоде не пойду, пусть отель даже будет всего в сотне метров, – заявил Айво, поднимая воротник куртки. – Вызываю таксифлаер.

– Вызывай... – зябко поежился Сноу.

Глубокой ночью Ричард и Айво, каждый в своем номере, с удовольствием нырнули в туго заправленные свежие кровати. Они еще не успели толком проснуться от короткого сна в Мономагте и поэтому торопились доспать. Одежду сдали на срочную чистку и просушку, и дроиду-портье приказали разбудить их в восемь утра.

«Какой длинный день, словно бесконечный моток нити – всё раскручивается и раскручивается, и нет этому дню-нитке ни начала, ни конца... Нет, всё – спать, спать...» – сквозь сон, колыхаясь и растворяясь, словно сигаретный дым, плыла тягучая и нескончаемая мысль. А вслед за ней, неспешно вращаясь, летели в бесконечном вакууме Хрустальный шар и Параллелепипед. Ричард хотел протянуть руку, чтобы достать их, но рука оказалась тяжелой, словно была налита свинцом и поднималась бессильно-медленно. Он понял, что не успеет поймать артефакты, и хотел позвать Айво, который находился где-то рядом, но надвинулась темнота, обволокла, закружила в спирали водоворота, и Сноу провалился в нескончаемую воронку глубокого сна.

---

²² «Portes du soleil» (*фр.*) – «Солнечные врата»: знаменитый район высокогорных горнолыжных курортов. Расположен между Женевским озером и горой Монблан на границе Франции, Италии и Швейцарии.

* * *

Дверь миниатюрной виллы открыл хмурый высокий мужчина в бело-синем спортивном костюме. Он молча удивленно уставился на незваных гостей сквозь мощные линзы очков.

– Здравствуйте. Агенты КОНОКОМ Ричард Сноу и Айво Блумберг. Вы – Эмилио Сарразен? Разрешите войти? – взял инициативу в свои руки Ричи.

Так же молча хозяин кивнул и посторонился, пропуская в дом детективов. Из небольшой прихожей он проводил их в гостиную, где, несмотря на ранний час, в углу в гранитном камине уже вовсю потрескивали оранжевые угольки. Присмотревшись повнимательнее, можно было понять, что камин бутафорский – пьезо-плазменный, но тепло от него исходило натуральное и приятное. Сарразен указал конокомовцам на кресла и сам опустился в одно из них.

– Кофе, чай?

– Спасибо, кофе.

Тут же в гостиную влетел дроид и стал расставлять чашки на невысоком журнальном столике.

– Чем обязан интересу, которое проявил к моей скромной персоне КОНОКОМ? – спросил Сарразен, наблюдая, как робот разливает кофе.

– Месье Сарразен, вы являлись заместителем руководителя научной части экспедиции «Галактическая-803» на Вегу в 2268-71 годах?

Эмилио Сарразен молчал, считая, по-видимому, что агенты КОНОКОМа, до прихода к нему домой, должны были осведомиться о его биографии. Не дождавшись ответа, Сноу продолжил:

– Во время пребывания на планете Желтый глаз произошел несчастный случай: погибли двое членов экспедиции. Не могли бы вы нам подробно рассказать, что вы об этом знаете?

– А в связи с чем вас это интересует? Нас всех по прилету допрашивала соответствующая комиссия КОНОКОМа, эксперты из Космофлота, какие-то бесконечные детективы из Агентства по наблюдению и безопасности...

– Извините, месье Сарразен, дело в том, что сегодня... э-э-э, теперь уже вчера скоропостижно скончался Александр Добровольский.

– Добровольский умер? – француз выпрямился в кресле. – Не может быть! Черт, я же с ним только вчера...

Неожиданно он замолчал, прикусил губу и в сердцах резко поставил чашку на стол.

– Вы с ним вчера встречались или связывались по коммуникатору? – слегка наклонил голову Сноу.

Сарразен откинулся назад и скрестил на груди руки:

– Допустим.

– Так связывались или виделись?

– Связывался, – нехотя ответил француз.

– И о чем вы говорили?

– Ну, знаете ли! – вскипел Сарразен. – Чтобы задавать подобные вопросы, нужна санкция. У вас она есть? Думаю, что нет, иначе вы бы мне её сразу предъявили. А коли так, то я предлагаю завершить нашу приятную беседу. Поверьте, у меня масса дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.